

# О счастливом Ленине, женщинах, свободе любви и о своей версии гибели Владимира Маяковского

<https://oralhistory.ru/talks/orh-67-68>

🗣️ 28 августа 1968

## Собеседник

Шкловский Виктор Борисович

## Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

## Дата записи

Беседа записана 28 августа 1968 и опубликована 28 ноября 2016.

## Введение

Как пишет Дувакин, вскоре после первой встречи «Виктор Борисович уехал за границу, потом болел, писал книгу, снова уезжал. Одним словом, встреча, которая должна была состояться через две недели, состоялась более чем через год, 28 августа 1968 года». Это последняя беседа Дувакина со Шкловским.

В начале беседы речь заходит о «счастливом Ленине» — Шкловский видел его выступления трижды и охотно делится своими воспоминаниями о них. Разговор неизбежно переходит к Маяковскому, и Шкловский начинает рассуждать о явно волнующей его теме — о свободе любви, сексе и, конечно, о роли женщин в жизни революционного поэта. Шкловский редко виделся с Маяковским в конце жизни поэта, но он был одним из немногих писателей, пришедших на отчетную выставку «20 лет работы Маяковского», открывшуюся в начале 1930 года. Шкловский помнит Маяковского «очень усталым, больным». Рассуждая о причинах самоубийства поэта, Шкловский осторожно и как бы вскользь подвергает сомнению официальную версию, а также приводит фантастические (и ошибочные) сведения о том, что на самом деле пуля была извлечена из мозга Маяковского.

**Виктор Дмитриевич Дувакин:** Виктор Борисович, ну вот, с нашей первой встречи прошел год с лишним. Я очень рад, что мы с вами еще раз встретились.

**Виктор Борисович Шкловский** (*глядя на включенный магнитофон*): Пошел, да?

**В.Д.:** Пошел. Вот. Мы говорили главным образом о дооктябрьском Маяковском, потом ваши поездки. Ну вот, что дальше?

**В.Ш.:** Лариса Рейснер — очень красивая женщина — говорила, что любовь — это пьеса с короткими актами и длинными антрактами, и надо уметь себя вести в антрактах. Вот у нас тут произошел антракт в год и два месяца, вел я себя во время этого антракта уклончиво. Будем продолжать.

**В.Д.:** Ну, значит, тогда это любовь. (*Смеются.*)

**В.Ш.:** Да. Будем продолжать. У нас с Маяковским, так как жизнь была такая, были съезды и разъезды. Я, значит, знал его в 913-м году, очевидно, знал у Бриков, и у Бриков я его видал в момент Октябрьской революции. А Брики играли в карты. Там была обыкновенная публика Бриков, смешанная публика, как говорят, шибко буржуазная. Там был такой банкир Гандельман. Каждый раз...

**В.Д.:** Это вы рассказывали.

**В.Ш.:** Да. Вот этот Гандельман и все прочие, они в это время играли. А Маяковский и все остальные, мы... мы были на улице. Потом я уехал в Персию, видал оккупационные наши войска в Персии, видал каторжников, которыми пополнили армию, в количестве семи тысяч человек, видал погромы курдов, видал, как курды отрезали члены у наших солдат и клали им в рот. Потом видал отступление нашей армии в Персии, бои под Хасавюртом, бывал перед этим в Тбилиси<sup>1</sup>. И вот я приехал в Питер, тихий (?). У меня с собой была лисья шкура, которую я купил по дороге. И я приехал прямо в дом Бриков, не заезжая к жене. Ну, это были самые близкие люди. Холодно, конечно, да, холодно.

<sup>1</sup> В книге «Революция и фронт», написанной летом 1919 г., но изданной только в 1921 г., эта история рассказана в главе «Персия» (с. 71—134).

**В.Д.:** 17-й год?

**В.Ш.:** 17-й год. И всё... всё переменялось. А Брик не был типично буржуазным человеком, но он был человеком на коне. Он был меценатом. Маяковский был голодным человеком. Человек, который был так голоден, что у него даже не было хороших зубов. (*Дувакин усмехается.*) Очень неприятно в продолжении «Автобиографии» Пастернака написано, что у Маяковского были вставные челюсти<sup>2</sup>. Вот я Маяковского знал много лет. Знаете, я не знаю, были у него вставные челюсти или нет. Этого мне не нужно было знать. Говорил он внятно. И пастернаковская «Автобиография» очень любопытна. Володя его любил. А «Автобиография» сравнительно с первой — «Охранной грамотой» — это автобиография другого человека. Он уже и не еврей, он уже развелся... он уже... он уже... такой, как Цветаева... /нрзб./ Цветаева. И это отказ от прошлых друзей, отказ от своей биографии.

<sup>2</sup> В очерке «Люди и положения», на который ссылается Шкловский, этого нет. Сам Маяковский не стеснялся обыгрывать состояние своих зубов. Например, в стихотворении «Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели» (1927): Я зубы на этом деле сжевал <...> (Полное собрание произведений: в 20 т. Т. 3. Стихотворения. 1927 — первая половина 1928 / подгот. текстов. коммент. В. Н. Дядичева. М., 2014. С. 14). В 1930-х гг. о том, что рот у Маяковского был «почти беззубый», писал Крученых. Илья Сельвинский включил в 1928 г. в стихотворную повесть «Записки поэта» эпиграмму: «Маяковский! Довольно спеси — / Вас выдал химический фокус: / От чистого золота песен / На губах не осядет окись» (Илья Сельвинский. Из пепла, из поэм, из сновидений / сост., вступ. ст. А. М. Ревича. М.: Время, 2004. С. 446).

Ну вот, а теперь, значит, я приезжаю... приехал к Брикам, и Маяковский уже на коне. Революция.

**В.Д.:** Простите, это между февралем и октябрем или после октября?

**В.Ш.:** Это после октября.

**В.Д.:** Между февралем и октябрем вы их не видели?

**В.Ш.:** Я видел их, я видел, потому что я приезжал. Меня ранило в это время. Я был комиссаром Временного правительства, мне прострелили живот. Я приехал в армию, под Станиславом, ну, был немецкий прорыв. Я сказал, что надо идти. Мне сказали: «Иди сам». Ну, я пошел сам. Мне пробил живот. Полк пришел за мной<sup>3</sup>.

<sup>3</sup> Шкловский отправился на Юго-Западный фронт в первых числах июня 1917 г. в качестве помощника военного комиссара Временного правительства в противовес большевикам-пораженцам. 3 июля в бою под деревней Лодзяны у реки Ломницы был ранен в живот навилет: «...мнечто-то согрело бок, и я почувствовал себя сбитым на землю» (Виктор Шкловский. Революция и фронт. С. 51). Приказом от 5 августа 1917 года по 8-й армии Юго-Западного фронта он награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Ну вот, теперь. Маяковский был упоен революцией, а так как поэты были нетерпеливые всегда, то он думал, что это будет все не только хорошо, но и быстро. Вы представляете себе, что в 48-м году Герцен представлял, то есть, вернее, говорил, что мы не думаем, что существующий строй долготелен. Он говорил про капиталистический строй. Не долговечен, а долготелен. Он давал ему десять лет, пять лет этому строю. Маяковский представлял, что капиталистическому строю в Европе ну два года, три года.

**В.Д.:** Ах, даже так?

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Это не только, вероятно, Маяковский представлял?

**В.Ш.:** Да мы все представляли так, все представляли так. Я в Тбилиси в квартире полковника Антоновского, который был женат на недавно умершей женщине, Анне Арнольдовне, авторе «<Великого> Моурави», встретился с Диденцем, полковником тоже. Они нас познакомили. Он набирал людей для денкинской армии. Я говорю: «Вы думаете, что вы победите?» Он мне ответил: «Я русский человек. Мо-и> геро-и> — это Буслаев, протопоп Аввакум и Ленин»

**В.Д.:** Ленин?

**В.Ш.:** Ленин, да.

**В.Д.:** Это он тогда вам говорил?

**В.Ш.:** Да. «Я его хорошо представляю. Я все понимаю, что он хочет, но я дворянин, полковник, я с ним буду драться, и он, конечно, меня победит. Но я тоже русский человек, и я буду с ним драться»<sup>4</sup>, — то есть для него Ленин был старшим человеком, старшим человеком мира и выразителем внутреннего характера России.

<sup>4</sup> В воспоминаниях об Александре Довженко Шкловский рассказывал: «В Тбилиси жил бывший начальник броневое дивизиона, полковник генерального штаба Антоновский; впоследствии он работал в Красной Армии. Был в его доме, познакомился с хозяйкой дома — Анной Арнольдовной, которая потом стала писательницей и написала роман "Беликий Моурави". В гости пришел еще один полковник, бывший товарищ Антоновского по выпуску из академии. Тогда он приехал в Грузию набирать кадры для Деникина. Вот какой разговор происходил на нейтральной территории, в то время, когда будущее было от всех закрыто. Этот деникинец говорил: «Я русский человек, мой национальный герой — Ленин. Как военный человек пытаюсь понять его как противника и все время восхищаюсь. Я буду с ним драться. Буду разбит, а согласиться не могу» (Жили-были. С. 480). Анна Арнольдовна Антоновская умерла 21 октября 1967 г. Василий Буслаев — герой новгородского былинного эпоса, воплощение безграничной молодецкой удалости.



**Вот, была весна революции, ожидание, где произойдет следующая революция. Она должна была произойти в Германии, потом во Франции... Все было очень хорошо.**

**В.Д.:** Простите, я вас перебую. Я вам дам непосредственно (может, это вам потом пригодится) иллюстрацию этой мысли. Есть новогоднее «Окно РОСТА», где... вот этот новый, 20-й год:

*Кому не ясен истории ход?!*

*В этот*

*грядущий<sup>5</sup>*

*двадцатый год <...>*

*В одно*

*мировое русло революции*

*рабочих вселенной*

*души вольются!<sup>6</sup>*

Вот это. Это еще через три года.

<sup>5</sup> У Маяковского: идущий.

<sup>6</sup> Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3. «Окна» РОСТА. 1919—1922 / подгот. текста и примеч. В.Д. Дувакина. М., 1957. С. 66.

## «Как я видал счастливого Ленина»

**В.Ш.:** Причем, значит, так. Вот счастливый Маяковский... счастливый Маяковский, как я видал счастливого Ленина...

**В.Д.:** Простите, вы...

**В.Ш.:** ...слышал его доклад — птица в полете! Человек, который осуществляет свое предназначение<sup>7</sup>. Мы ведь обыкновенно изображаем великих людей несчастными... Ну, вот...

<sup>7</sup> Шкловский уже использовал этот образ, когда рассказывал о выступлении Ленина в Михайловском манеже: «Казалось, большая птица летит по ветру, как будто управляя этим ветром» (Жили-были. С. 116); «Он был человеком на работе, я повторяю — птицей в воздухе» (там же. С. 117).

**В.Д.:** Простите, вот то, что вы видали Ленина, это где-нибудь записано?

**В.Ш.:** Записано. Я его видал три раза.

**В.Д.:** И вот так записано?

**В.Ш.:** Да. Я его видал три раза. Первый раз я его видал в броневом дивизионе, в апреле, как только он приехал<sup>8</sup>. У нас в броневом дивизионе было много большевиков. Они привезли Ленина в огромный манеж Михайловский. Там были дымные такие машины. Этот сейчас манеж называется «Зимний стадион». Он — часть ансамбля Инженерного замка. Выступал Ленин с машины «Уайт»<sup>9</sup>, с опущенными бортами. Когда с него снимали пальто, то по ошибке сняли пиджак вместе с пальто, и я увидел его в жилете, увидел, что он меньше меня ростом, гораздо меня шире в груди, а у меня в груди было 120, что у него очень толстые ноги и мышцы, идущие от плеча, подходят к шее около уха, что он сложен, как пловец и маленький гиревик. Это очень сильный человек, очень сильный человек, хорошо владеющий не только толпой, но собой. Он ходил по маленькому грузовику со спущенными бортами, не думая о том, что он может упасть, говоря с чрезвычайной ясностью<sup>10</sup>.



<sup>8</sup> «Это было 15 апреля 1917 года», — пишет Шкловский в воспоминаниях «Жили-были» (с. 116).

<sup>9</sup> Бронеавтомобиль на шасси американской фирмы Motor Car White. Эту фирму основал еще в середине XIX в. изобретатель Томас Уайт.

<sup>10</sup> Этот эпизод описан в воспоминаниях «Жили-были» (с. 116—117).

Потом я его увидел на заседании в Таврическом дворце. В «Известиях» (тогда «Известия» были меньшевистские и эсеровские)... «Известия» напечатали, что деятельность Ленина — контрреволюция. Ленин пришел говорить... там глубокий зал Таврического дворца, крутой амфитеатр, Ленин был ярко-рыжий.

**В.Д.:** Рыжий? Он же лысый?

**В.Ш.:** Ярко-рыжий. Он был лысый, но у него волосы были, ну, начинались с перелома черепа, и рыжий цвет я так ярко помню. Высокий голос. И, может, рыжесть его подчеркивалась тем, что он был похож на шаровую молнию, попавшую на трибуну<sup>11</sup>. Он говорил во все стороны. Зал был побежден в несколько минут, все члены ЦК, меньшевики и так далее пришли, и все проходы были заполнены, а Ленин повторял одну и ту же фразу: «А мы арестуем здесь министров-капиталистов. А я, я согласен на Пешехонова<sup>12</sup>. Зачем нам буржуазия?» Ленин говорил...

<sup>11</sup> Образ из «Высокой болезни» (1928) Бориса Пастернака: «Я помню, говорок его / Пронзил мне искрами заговор. / Как шорох молнии шаровой. <...> / Он проскользнул неуследимо / Сквозь строй препятствий и подмог, / Как этот в комнату без дыма / Грозы влетающий комок» (Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1912—1931 / предисл. Л.С. Флейшмана: сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М., 2003. С. 259).

<sup>12</sup> Алексей Васильевич Пешехонов (1867—1933) — экономист, журналист; с 1904 г. член редакции народнического журнала «Русское богатство»; основатель Народно-социалистической партии, один из лидеров Трудовой народно-социалистической партии (правее эсеров, но левее кадетов), министр продовольствия во втором и третьем составах Временного правительства (май — август 1917).

**В.Д.:** Согласен на?..

**В.Ш.:** На Пешехонова.

**В.Д.:** Ах, «лучше десять Пешехоновых, чем...»<sup>13</sup>

<sup>13</sup> Возможно, намек на слова из речи Л.Д. Троцкого на I Всероссийском съезде Советов по вопросу об отношении к Временному правительству (5 июня 1917): «Товарищи, я совершенно согласен с нашим министром продовольствия. Я не принадлежу к одной с ним партии, но, если бы мне сказали, что министерство будет составлено из 12 Пешехоновых, я бы сказал, что это огромный шаг вперед. Я бы сказал: Коновалов ушел — найдите второго Пешехонова, серьезного работника и уберите из министерства всех тех, которые мешают Пешехонову, создайте там возможность работы» (Л.Д. Троцкий. История русской революции: в 2 т. Т. 1. Февральская революция / вступ. ст. Н. Васецкого; примеч. В.И. Иванова. М.: Terra; Республика, 1997. С. 455).

**В.Ш.:** Да-да. У Ленина речь не была похожа на статью. Он писал одним способом, а говорил другим способом. Хотя у него запись совершенно свободная, но он не давал себя стенографировать и говорил, что обыкновенный отчет репортера лучше, что говорят не так, как пишут.

Третий раз я его слышал так. Было соединенное заседание, Первый съезд Советов солдатских и рабочих депутатов<sup>14</sup>. Происходил он в Первом кадетском корпусе на Первой кадетской линии в Петербурге, на Неве. Это бывший дворец князя Меншикова, одно из самых старых зданий Петербурга. Зал огромен и не очень высокий, хотя он был двухсветный. Но там кадетский корпус мог выстроиться в одну шеренгу и повернуться. Посередине стояли три ряда стульев: эсеры и меньшевики, большевики и маленький — три-четыре стула — анархисты. А дальше сидели солдаты и рабочие, солдаты с винтовками, во всяком случае все в пальто и в шинелях.

<sup>14</sup> Съезд проходил 3—24 июня 1917 г.

Выступал меньшевик Церетели<sup>15</sup>, такой шатен рыжеватый, с плотной бородой, князь по происхождению, очень хороший оратор. Он говорил о коалиции, о необходимости коалиции, о представительстве всех партий в революционном правительстве. Он говорил очень убедительно, он был, очевидно, образованным юристом, и был хороший оратор. Все сидели, молчали. И он сказал: «Нет такой партии, которая одна возьмется руководить революцией». И, конечно, не вставая, но в самом конце ораторской паузы, негромко, высоким картавым голосом Ленин сказал: «Есть такая партия», — и, конечно, все услышали, потому что это был ответ на риторический вопрос.

<sup>15</sup> Ираклий Георгиевич Церетели (1882—1959) — один из лидеров меньшевиков, с мая 1917 г. министр почт и телеграфов во Временном правительстве.



К.Ф. Юон «Есть такая партия!» 1934

Впоследствии история этой реплики была такая. Недалеко есть морской корпус, там гораздо лучше эстрада, она мраморная, с задником, и Бродский<sup>16</sup> перенес эту фразу...

**В.Д.:** Эту речь.

**В.Ш.:** Эту речь. Причем, конечно, Ленин выбегает, подымает руку, как будто «позвольте выйти», и кричит: «Есть такая партия!»<sup>17</sup> И потом оно так и пошло, так и пошло. А дело в том, что революция не совершается при хороших декорациях. Она совершается там, где она подвернулась. Она может совершиться в проходном дворе. А потом придают ей декор.

<sup>16</sup> Исаак Израилевич Бродский (1883—1939) — ученик И.Е. Репина, автор обширной изобразительной ленинианы. Но картины с этим сюжетом у него нет.

<sup>17</sup> Шкловский описывает картину Константина Юона (1934, Государственный Исторический музей).

**В.Д.:** Как Сологуб предлагал, чтобы стороны дрались за городом, не вредили<sup>18</sup> /нрзб./.

<sup>18</sup> В очерке «Только не воспоминания...» (1927) Маяковский иронизировал над предложением Федора Сологуба (1863—1927) регламентировать революционные катаклизмы: «Революции разрушают памятники искусств. Надо запретить революции в городах, богатых памятниками, как, например, Петербург. Пускай воюют где-нибудь за чертой и только победители входят в город» (Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. С. 151).

**В.Ш.:** Да-да. Ну вот, видите... Ну, а он наоборот, он предлагал вредить. /нрзб./ А революция, так она и происходит. Она не вредит. Так вот. Я возвращаюсь к Маяковскому.

## О лингвистических кружках и искусстве

**В.Д.:** К Маяковскому. Вы видели счастливого Ленина, а теперь расскажите, где вы видели счастливого Маяковского.

**В.Ш.:** Я видел счастливого Маяковского. Как бы... он был очень занят, он издавал книги, он основал издательство «ИМО». Издательство «ИМО» — это было «Искусство молодых»<sup>19</sup>. Оно было расположено на Фонтанке, напротив цирка Чинизелли, внизу был маленький магазин Ховина «Книжный угол»<sup>20</sup>, а наверху сняли помещение, черт его знает, что собирались там делать, но мы издали там «Все изданное Маяковским».

<sup>19</sup> Издательство «ИМО» существовало с октября 1918 до июля 1919 г.

<sup>20</sup> «Книжный угол», частный магазин журналиста и литератора Виктора Романовича Ховина (1891—1944), продержался с 1918 по 1924 г. Здесь готовился одноименный критико-библиографический журнал (1918—1922; всего вышло 8 номеров). В 1923—1924 гг. была налажена издательская деятельность. Выпускалась в основном переводная литература.

**В.Д. (поправляет):** «Все сочиненное...»

**В.Ш.:** «Все сочиненное Маяковским», потом «Мистерию-буфф».

**В.Д.:** «Ржаное слово».

**В.Ш.:** Да. И главное, что мы издали, для нас, «Поэтику». «Поэтика» издана Маяковским, издательством «ИМО»<sup>21</sup>.

<sup>21</sup> Сборник «Все сочиненное Владимиром Маяковским (1909—1919)» вышел в Петрограде в издательстве ИМО в середине мая 1919 г. Пьеса «Мистерия-буфф: героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи, сделанное Владимиром Маяковским» вышла там же в первых числах ноября 1918 г., к первой годовщине Октябрьской революции. 2-е издание появилось в 20-х числах апреля 1919 г. Сборник «Ржаное слово: революционная хрестоматия футуристов», составленный Маяковским, вышел вместе с 1-м изданием «Мистерии-буфф». Вышло три сборника по теории поэтического языка «Поэтика»: 1-й — в 1916 г., 2-й — в 1917 г. и 3-й — в 1919 г. 1-й и 2-й выпуски издал Брик. Издательства ИМО тогда еще не было. В издательстве ИМО вышел только 3-й выпуск. Некоторые статьи в нем перепечатаны из 1-го и 2-го выпусков.

**В.Д.:** Первая книжка?

**В.Ш.:** Да. Это есть основная книжка<sup>22</sup>, потому что там работал и Якубинский, и Поливанов<sup>23</sup>, и Брик, и я, со своими основными статьями. Там напечатаны «Связь приемов стихосложения с общими приемами искусства», «Искусство как прием», «Звуковые повторы»<sup>24</sup>. Там все, кроме Тынянова и Эйхенбаума<sup>25</sup>... ОПОЯЗ был уже готов<sup>26</sup>, так что...

<sup>22</sup> Судя по контексту, «основной книжкой» Шкловский считает 3-й выпуск «Поэтики».

<sup>23</sup> Лев Петрович Якубинский (1892—1945) — ученик Бодуэна де Куртенэ; языковед, литературовед. В сборниках «Поэтика» помещены его статьи «О звуках стихотворного языка» (1-й и 3-й вып.), «Скопление одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках» (2-й и 3-й вып.), «Осуществление звукового единообразия в творчестве Лермонтова» (2-й вып.) и «О поэтическом глоссемосочетании» (3-й вып.). Евгений Дмитриевич Поливанов (1891—1938) — лингвист, востоковед. В 1-м выпуске «Поэтики» помещена его статья о звуковых жестах японского языка, перепечатанная затем в 3-м выпуске.

<sup>24</sup> Первые две статьи принадлежат Шкловскому. Первая помещена в 3-м выпуске «Поэтики», вторая — во 2-м и 3-м. «Звуковые повторы» — статья Брика, помещенная во 2-м и 3-м выпусках «Поэтики».

<sup>25</sup> Работ Ю.Н. Тынянова действительно нет в сборниках «Поэтика». Но статья Б.М. Эйхенбаума «Как сделана "Шинель" Гоголя» впервые напечатана именно в 3-м выпуске «Поэтики».

<sup>26</sup> ОПОЯЗ (Общество изучения теории поэтического языка) — объединение петроградских филологов-формалистов, началом формирования которого стало знакомство Шкловского с Якубинским и Поливановым в 1914 г. В 1915 г. к ним присоединились Осип Брик и Борис Кушнер. Эта пятерка и заполнила 1-й и 2-й выпуски «Поэтики» (цензурное разрешение на 1-й выпуск датировано 24 августа 1916). Но учредительное собрание состоялось только 2 октября 1919 г. Тогда и сложилось что-то вроде бюро ОПОЯЗа: председатель Шкловский, заместитель председателя Эйхенбаум, секретарь Тынянов. В декабре 1921 г. в перерегистрации общества было отказано. 4-й выпуск «Сборников по теории поэтического языка» под издательской маркой ОПОЯЗа составили отдельные брошюры Шкловского, Тынянова, В.М. Жирмунского и Эйхенбаума (1921—1922). 5-й и 6-й выпуски вышли в 1923 г. в Берлине и в Праге.

**В.Д.:** Это Московский лингвистический кружок?<sup>27</sup>

<sup>27</sup> Московский лингвистический кружок — широкое объединение филологов обеих столиц в 1915—1924 гг. Насчитывал более 60-ти действительных членов и членов-соревнователей. Занятия кружка от диалектологии, фольклористики и этнографии со временем переместились в область поэтики, стиховедения, теории поэтического языка. Это было вызвано и общим влиянием идей ОПОЯЗа, и участием в кружке Шкловского, Осипа Брика, Поливанова, Тынянова, Жирмунского.

**В.Ш.:** Нет. Московский лингвистический кружок — совершенно другая организация.

**В.Д.:** Это Богатырев?

**В.Ш.:** Это и Роман Якобсон<sup>28</sup>, с совершенно другими установками.

<sup>28</sup> Петр Григорьевич Богатырев (1893—1971) — фольклорист и этнограф. Принимал участие в работе МЛК. Роман Осипович Якобсон (1896—1982) — лингвист и литературовед, участник и исследователь русского авангарда. В 1915—1919 гг. был председателем МЛК.

**В.Д.:** Ах, вот что!

**В.Ш.:** Мы ученики... мы, ленинградцы, мы ученики Маяковского, скажем, или друзья Маяковского, ученики Бодуэна де Куртенэ<sup>29</sup>. Ну, я скажу: это моя группа. Мы говорили, что искусство — это явление стиля, что те законы искусства, которые проявляются в нем, проявляются и в музыке, и законы, скажем, сонета, можно перенести на музыку, можно аналогии найти в архитектуре. Для москвичей литература была явлением лингвистическим: материал — язык, структура языка. Они были правы в том отношении, что они, определив языковые структуры, создали учение о структурализме, но они были неправы, потому что языковые структуры — не единственные структуры мышления. У Эйнштейна есть в статье «Физика...», у него есть статья о том, что он достоверно знает, что открытия не проходят через слово. И он потом говорит: «Иначе я бы так не удивлялся, получив открытие, я его не мыслил...»

<sup>29</sup> Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845—1929) — профессор Петербургского университета, лингвист, занимавшийся общими вопросами лингвистики на материале славянских языков. Переиздал Словарь В.И. Даля, уточнив этимологию, исправив разделение на гнезда, а также пополнил новыми словами, в том числе вульгарно-бранной лексикой. Занятый непосредственным наблюдением за живой языковой средой, Бодуэн де Куртенэ обратил пристальное внимание на работу футуристов. Его учениками были Якубинский и Поливанов. «Бодуэн де Куртенэ — человек, задающий будущему не загадки, а задачи», — писал Шкловский (Жили-были. С. 89).

**В.Д.:** Что возможно мышление...

**В.Ш.:** Внеязыковое<sup>30</sup>.



<sup>30</sup> В книге «Тетива: о несходстве сходного» (М.: Советский писатель, 1970) Шкловский, иллюстрируя эту мысль, ссылается на статью Альберта Эйнштейна «Творческая автобиография» из сборника «Физика и реальность» (М.: Наука, 1965. С. 133): «Для меня не подлежит сомнению, что наше мышление протекает, в основном минуя символы (слова) и к тому же бессознательно. Если бы это было иначе, то почему нам случается иногда "удивляться", притом совершенно спонтанно, тому или иному восприятию (Erlebnis)? Этот акт "удивления", по-видимому, наступает тогда, когда восприятие вступает в конфликт с достаточно установившимся в нас миром понятий. В тех случаях, когда такой конфликт переживается остро и интенсивно, он, в свою очередь, оказывает сильное влияние на наш умственный мир. Развитие этого умственного мира представляет собой в известном смысле преодоление чувства удивления — непрерывное бегство от "удивительного", от "чуда".» Таким образом, — продолжает Шкловский, — обычный мир, реально существующий, рождающий все наши познания, в самом факте познания рождает другое, иначе — факт изумления, факт какого-то превосходства своей сущности над нашим знанием. Это чувство изумления, как говорит Эйнштейн, является первопричиной или одной из первопричин научной мысли» (с. 56). См., например: «Слова или язык, как они пишутся или произносятся, не играют никакой роли в моем механизме мышления. Психологические реальности, служащие элементами мышления, — это некоторые знаки или более ясные образы, которые могут быть по желанию воспроизведены и комбинированы. Обычные и общепринятые слова с трудом подбираются лишь на следующей стадии, когда упомянутая ассоциативная игра достаточно устоялась и может быть воспроизведена по желанию» (Эйнштейновский сборник. М.: Наука, 1967. С. 28).

**В.Д.:** ...внеязыковое.

**В.Ш.:** Да. Математическое. Потом, возможность перевода с языка на язык, возможность такого явления... Скажем, Эйхенбаум говорил: «Как сделана "Шинель"? Она сделана из языка, из заикания»<sup>31</sup>. Но западный цирк играет «Шинель» мимикой. И они говорят, что герои Гоголя так заняты делом, что им не надо даже разговаривать. Когда я был в Париже, в Париже шло три «Шинели»: одна — инсценировка русской «Шинели», другая — комедия о том, как гоголевский чиновник не может сшить себе пальто, и третья — в цирке, то есть мимика может выразить то, что выражает слово, ну, и перенести...

<sup>31</sup> В статье «Как сделана "Шинель" Гоголя» (1919), напечатанной впервые в 3-м выпуске «Поэтики» (Пг.: ИМО, 1919. С. 151—165) Эйхенбаум настаивает: «Настоящая динамика, а тем самым и композиция его (Гоголя. — В.П.) вещей — в построении сказа, в игре языка» (См.: Б. Эйхенбаум. О прозе: сб. статей / сост. и подгот. текста И. Ямпольского; вступ. ст. Г. Бялого. Л.: Художественная литература, 1969. С. 311).

**В.Д.:** Тоже имеет структуру?

**В.Ш.:** Конечно, имеет структуру. Но способы измерения... Ну, скажем, обычай, этикет — это же структура. Карточная игра, когда /нрзб./ — это тоже структура, понимаете, но они, они... Я об этом написал сейчас книгу.

**В.Д.:** Ну, тогда к этому не будем обращаться.

**В.Ш.:** Ну вот, видите, значит...

**В.Д.:** Как же Маяковский вообще все это воспринимал и воспринимал ли?

**В.Ш.:** Маяковский... Значит, выглядит так: Маяковский это воспринимал хорошо, и это и было его... И когда он пишет «Как делать стихи?», когда он говорит о молодых лингвистах, он говорит об ОПОЯзе, он был опоязовец<sup>32</sup>.

<sup>32</sup> В статье «Как делать стихи?» (1926) Маяковский отмечает, что ему «часто приходилось если не разбивать, то хотя бы дискредитировать старую поэтику», а также вместе с соратниками показывать читателям старых поэтов «с совершенно неизвестной, неизученной стороны». Далее эти соратники прямо названы формалистами, а их работа представлена с оглядкой на статью Эйхенбаума «Как сделана "Шинель" Гоголя»: «Детей (молодые литературные школы также) всегда интересует, что внутри картонной лошади. После работы формалистов ясны внутренности бумажных коней и слонов. Если лошади при этом немного попортились — простите! С поэзией прошлого ругаться не приходится — это нам учебный материал» (Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. С. 81).

**В.Д.:** Он бывал когда-нибудь у вас на заседаниях?

**В.Ш.:** Бывал. Но... История такая. Конечно, вот Брик, которого эти сукины коты называют «расторопным»<sup>33</sup>, Брик был прежде всего человеком аскетическим. Он нравился женщинам, но он женщин не любил. Он был раньше богат, но богатство он не любил. Он был скромным человеком, ну, как вам сказать, но немножко талмудистом, но человеком с превосходной аналитической головой, слишком отвлеченным для искусства, но самоотверженным.

<sup>33</sup> «Расторопный Брик» — это издательская формулировка из статьи журналиста, в прошлом директора музея Маяковского в Грузии, А. Колоскова «Трагедия поэта» (Огонек. 1968. 22 июня. № 26. С. 18). Эта статья была напечатана как продолжение статьи «Любовь поэта» (Огонек. 1968. 13 апреля. № 16), подписанной не только Колосковым, но и В. Воронцовым, помощником члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова. Поскольку уже первая статья вызвала неоднородную общественную реакцию, Воронцову, чтобы не подставлять шефа, пришлось от продолжения публикаций дистанцироваться. Но без поддержки Воронцова статьи в «Огоньке» не появились бы. Поэтому Шкловский и говорит: «эти сукины коты», имея в виду не одного Колоскова, автора хамской формулировки, но и Воронцова.

**В.Д.:** По отношению к?..

**В.Ш.:** Маяковскому.

**В.Д.:** К Маяковскому или к искусству?

**В.Ш.:** К Маяковскому. Он был настоящий апостол Маяковского. Одновременно, как всякие апостолы, они хотят втереть свое учение Христу. Это кончается тем, что Павел подменяет Христа. Но вот литература факта... Брик не любил искусство. Он любил кино за то, что кино — не искусство, что оно плохое искусство, скажем, что его надо отдалять от искусства. Но вот эта литература факта, с одной стороны, была... черт его знает, там и мои статьи очень ранние<sup>34</sup>, но это вообще... истерика этого — была бриковская истерика. Я тогда печатал, что когда они отрицали искусство, я говорю, что у нас в журнале печатается Маяковский, Пастернак, Асеев, печатаете Бабеля<sup>35</sup> и одновременно говорите, что искусства нет. Это не получается. Это получается так, как ханжа попадает в тюрьму в «Пиквикском клубе» и ему говорят: «Хотите что-нибудь выпить?» Он говорит: «Все спиртные напитки — это суета сует». Тогда его спрашивают: «А какую из суеты сует вы любите?» Он говорит: «Крепкую». И ему дают ром<sup>36</sup>. Так что все это суета сует. Значит, литература факта — это не была ошибка, потому что она сейчас значила в мировом искусстве очень много, и очень много значит в чешском искусстве. И это значение мемуара и включение по достоверности... там такая школа Дзиги Вертова<sup>37</sup>, включение, новое отношение к фотографии, отношение... создание эстетики фабричных зданий, понимание того, что эстетика облегчает работу — это было все...

<sup>34</sup> В книге «Литература факта: первый сб. материалов работников ЛЕФа» (М.: Федерация, 1929), выпущенной под редакцией Н.Ф. Чужака, — 8 статей и рецензий Шкловского. Даже у Брика меньше — 6. А больше только у Сергея Третьякова — 9.

<sup>35</sup> В журнале «ЛЕФ», кроме целого ряда стихотворений, напечатаны поэмы «Про это» Маяковского (1923. № 1), «Высокая болезнь» Пастернака (1924. № 1), «Лирическое отступление» Асеева (1924. № 2), а также 7 рассказов из «Конармии» и 2 рассказа из «Одесских рассказов» Исаака Бабеля (1923. № 4; 1924. № 1).

<sup>36</sup> Эпизод из 45-й главы «Посмертных записок Пиквикского клуба» (1836—1837) Чарльза Диккенса. Пересказан близко к тексту, хотя мистру Стиггину вместо запрашиваемого рома с тремя кусочками сахара на стакан соглашаются подать лишь портвейн, подогретый с небольшим количеством воды, пряностями и сахаром.

<sup>37</sup> Дзига Вертов (1895—1954) — кинорежиссер-документалист, новатор и теоретик документального кино. Настаивал на замене игрового, художественного кино — кинохроникой, но не описательно-пассивной, а динамичной, мастерски смонтированной, высекающей мысль из столкновения кадров.

**В.Д.:** Все это придумано было уже тогда. Сейчас...

**В.Ш.:** Это было придумано тогда.

**В.Д.:** А сейчас это к нам вторично приходит с Запада.

**В.Ш.:** Так всегда бывает. И когда мне пришлось говорить в Италии<sup>38</sup>, то передо мной на ковре сидели художники и говорили, что «вы наши учителя. Но вы это создали путем революции. Мы не можем сделать революцию...»

<sup>38</sup> В Италии Шкловский был с 11 по 24 марта 1962 г. в числе «гостей» (не делегатов) конгресса Европейского союза писателей, проходившего во Флоренции. Вместе со всей советской группой посетил еще и Рим, Прато, Равенну, Сиену, Сан-Джиминьяно, встречался не только с писателями, но и с художниками и кинорежиссерами, членами общества «Италия—СССР», студентами Римского университета.

**В.Д.:** Поэтому мы не можем как следует у вас научиться.

**В.Ш.:** Да, да.

**В.Д.:** По существу, это /нрзб./ вопрос.

**В.Ш.:** К сожалению, вот видите, это очень так серьезно. Была такая история. ЛЕФ был аскетическая организация.

**В.Д.:** ЛЕФ?

**В.Ш.:** Да. Там, значит, служащие: один на жалованье — это Петя...

**В.Д.:** Незнамов, да<sup>39</sup>. Еще были две... машинистка... Чистякова? (Черткова?) и Ольга Маяковская<sup>40</sup>.

<sup>39</sup> Петр Васильевич Незнамов (1889—1941) — поэт-футурист и литературный критик. В 1921—1922 гг. член футуристической группы «Творчество» (Владивосток). В «ЛЕФе» и «Новом ЛЕФе» был секретарем редакции. Погиб в московском народном ополчении.

<sup>40</sup> Ольга Владимировна Маяковская (1890—1949) — младшая из двух сестер Маяковского. Работала на Главпочтамте. В редакции «ЛЕФа» и «Нового ЛЕФа» выполняла техническую работу.

**В.Ш.:** Ольга Маяковская тоже служила там на четверть ставки. И всё, больше никого. И мы издавали журнал. Ну, платили, конечно, за рукописи мало.

**В.Д.:** Но платили все-таки?

**В.Ш.:** Платили, но мало. Это привело в ужас Бабеля, когда мы за его... собственно, за его собрание сочинений заплатили столько, что он мог пойти в кафе или один раз пообедать. Неправдоподобно мало.

Ну вот. И ЛЕФ был великое непонятое революционное искусство. Там были номера, когда в одном номере печатался Маяковский, Эйзенштейн, Дзига Вертов, опоязовцы<sup>41</sup> — и все это были вещи, которые остались.

<sup>41</sup> Сергей Эйзенштейн (со статьей «Монтаж аттракционов» о постановке «На всякого мудреца довольно простоты» А.Н. Островского в Московском Пролеткульте) и Дзига Вертов (с материалом «Киноки. Переворот») были напечатаны в «ЛЕФе» лишь однажды: в № 3 за июнь — июль 1923 г. Из опоязовцев в этом номере присутствуют Осип Брик и Борис Кушнер. Редкий случай, но Маяковского здесь нет.

**В.Д.:** Да. Не все номера равноценны. Вот это как раз вы говорите про первые номера, 23-го года, лучшие.

**В.Ш.:** Да. Там были такие вещи, как... был номер о Ленине с превосходными статьями, непревзойденными статьями<sup>42</sup>. Ну вот.

<sup>42</sup> В журнале «ЛЕФ» (1924. № 1) под рубрикой «Теория» помещены статьи В. Шкловского «Ленин как деканонизатор», Б. Эйхенбаума «Основные стилевые тенденции в речи Ленина», Л. Якубинского «О снижении высокого стиля у Ленина», Ю. Тынянова «Словарь Ленина-полемиста», Б. Казанского «Речь Ленина: (Опыт риторического анализа)» и Б. Томашевского «Конструкция тезисов».

## О свободе любви

Теперь возвращаемся к нашим баранам. У меня есть вопрос такой: изменяется ли любовь? Изменяется ли любовь?

В «Гильгамеше», в шумеро-аккадском эпосе, у Гильгамеша есть соперник, человек-зверь, который ходит по лесам и освобождает зверей, и топчет поля. Он сильнее Гильгамеша. А Гильгамеш имеет только медное оружие, и живет в глиняном городе, стены которого кажутся как бы обожженными (еще не было кирпича, были горшки). Это необыкновенная история. И вот для того, чтобы победить дух, Гильгамеш (это все про Лилу Брик) насылает на него блудницу и говорит: «Открой перед ним свою наготу». Он сходится с ней, три дня они лежат вместе. Когда он очнулся, он увидел, что звери вокруг него отошли, и проститутка (значит, это древнее занятие) говорит ему: «Ешь хлеб, потому что это пища человека, пей вино — это судьба человека, одень платье — потому что ты человек». И она разрывает свое платье и половину отдает ему. То есть самый древний эпос, три тысячи, четыре тысячи лет до нашего эпоса — облагораживание той любви, которая у нас считается уже незаконной<sup>43</sup>.

<sup>43</sup> «Эпос о Гильгамеше» создавался на протяжении полутора тысяч лет, начиная с XVIII—XVII вв. до н. э., т. е. он примерно на тысячу лет старше поэм Гомера и почти на три тысячи лет старше древнерусских былин, содержание которых устанавливается лишь в XIII—XIV вв. н. э. Дикого человека, который приобщается к цивилизации благодаря посланной к нему Гильгамешем проститутке, зовут Энкиду.

**В.Д.:** Что называется сейчас словом «секс».

**В.Ш.:** Секс.

**В.Ш.:** Мы не знали, какая будет любовь, то есть так как писал Энгельс, что будущее людей будут знать те, кто будет его делать<sup>44</sup>. Предполагалось, что старый брак — это две проституции, которые создают подобие одной верности. Князь Петр



Вяземский в записных книжках говорит, что, конечно, женщина из порядочного дома не должна изменять мужу для того, чтобы не вводить незаконных наследников. Но если она уже беременна, то она свободна, она застрахована своим мужем, она родит ребенка от него<sup>45</sup>. Это все ошибки вот этих /нрзб./ огоньков на болоте в том, внутренняя ошибка, что они думали, что революция — это продолжение старой жизни, старой нравственности, только деньги будут у них, а не у буржуа, и женщины будут у них. Но жить они будут так же, что будет моногамный брак, в то время когда Энгельс цитирует Фурье, что моногамный брак и земельная собственность — это один разговор богатых против бедных<sup>46</sup>. Между прочим, это и есть... эта тема — тема Анны Карениной, которую мы не можем никак снять, /нрзб./ ее не понимает. Он думает, что Анна Каренина сама по себе, а хозяйство само по себе. А почему оба лезут в петлю, не понимает.

<sup>44</sup> В письме к В.И. Засулич (23 апреля 1885) Фридрих Энгельс писал: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать» (Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 36. Письма Ф. Энгельса к разным лицам. Апрель 1883 — декабрь 1887 / подгот. к печати Т.Л. Артемьевой и Б.Г. Тартаковского. М.: Издательство политической литературы, 1964. С. 263).

<sup>45</sup> В «Старой записной книжке» П.А. Вяземский передает слова своей собеседницы — «милой, умной, молодой женщины»: «Женщина, которая себя уважает и не совсем заглушила совесть свою, ни в каком случае, ни при каких увлечениях страсти, не позволит себе подвергнуться опасению водворить в семью свою детей, которые не принадлежали бы мужу ее. Но раз мужем застрахованная на известный срок (ее собственное выражение), это дело другое: тогда она не так безусловно обязана бороться с наступающим искушением. Таким образом уравниваются брачные права и ответственность между супругами. В устройстве нашего общества главное преимущество мужа пред женою заключается в том, что проступок, что грех его не позорит семьи, не вводит в нее беззаконных наследников и наследниц: семья остается нерушимой твердьено, святынею, по крайней мере, фактически непоруганною и незатруною. Вы, мужчины, счастливы: даже и преступление ваше имеет в пользу свою облегчающие вину обстоятельства» (П.А. Вяземский. Старая записная книжка // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. Т. 8. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1883. С. 397). На эту же запись Вяземского Шкловский ссылается в книге «Энергия заблуждения» (1981. С. 217).

<sup>46</sup> В одном из примечаний к работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Фридрих Энгельс пишет: «Замечу только, что уже у Фурье моногамия и земельная собственность служат главными отличительными признаками цивилизации и что он называет ее войной богатых против бедных» (Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. Работы Ф. Энгельса. Май 1883 — декабрь 1889 / подгот. к печати Б.Г. Тартаковского. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 177).

Для Маяковского программа жизни была сделана Чернышевским, «Что делать?», что может быть даже чай втроем<sup>47</sup>. То есть для него свобода любви была свободой женщины от мужчины, чтоб он ее не привязывал к себе тем, что он дал ей деньги. Он ее не привязывает к себе. Для Лили свобода любви была свободой измены. Они... это было классовое... как пишет Ленин в письме к Инессе Арманд — это было классовое осознанное различно одно и то же явление<sup>48</sup>.

<sup>47</sup> «Чай втроем» — это невинные вечерние чаепития, которые собирают вместе Веру Павловну с ее нынешним мужем — Лопуховым и будущим мужем — Кирсановым.

<sup>48</sup> Речь о письме В.И. Ленина — И.Ф. Арманд от 17 января 1915 г. по поводу брошюры о свободе любви, — брошюры, которую Арманд собиралась написать для работниц. Шкловский целиком приводит это письмо в книге «О Маяковском» (с. 84—85). Ленин настаивает, что свободу любви буржуазия и пролетариат понимают по-разному: «Дело в объективной логике классовых отношений в делах любви» (В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 49. Письма: август 1914 — октябрь 1917 / подгот. к печати А.П. Смирновой и А.Г. Хоменко. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 52).

**В.Д.:** Различно осознанное в классовом отношении?..

**В.Ш.:** Отношении.

**В.Д.:** Но явление одно и то же?

**В.Ш.:** Одно и то же. А у Володи было несколько женщин, хотя он был не весьма предприимчивым мужчиной. У Лили было сколько угодно. Причем, про одного, Герцмана... Володя говорил: «Вот если бы я узнал, что у нее был роман с Герцманом, я бы навсегда ушел от нее». А у нее был роман с Герцманом, конечно<sup>49</sup>. Герцман...

<sup>49</sup> Лев Герцман — сотрудник АРКОСа (Всероссийского кооперативного акционерного общества), учрежденного в 1920 г. в Великобритании. Л.Ю. Брик познакомилась с ним в 1922 г., когда навещала мать и сестру в Лондоне. Тамашный партнер ее по танцам.

**В.Д.:** То есть, до чего она опускалась, что даже...

**В.Ш.:** Она не опускалась, она...

**В.Д.:**...какой-то Герцман...

**В.Ш.:** Ну да, она, она это... Вот эта история, что такая, ну такая богема буржуазная совпала, на время пересеклась с революционным отношением к жизни. Вот что произошло.

С другой стороны, во втором томе «Дон Кихота» в доме герцога Дон Кихот говорит, что видал одну женщину, красивую, она жила с очень некрасивым мужчиной. Ее спросили: «Почему вы это делаете?» Она говорит: «Он мне дает то самое, что мне нужно от него».

**И Дон Кихот говорит: «Вы спрашиваете меня про Дульцинею Тобосскую.**

**Она та самая женщина, которая мне нужна». Ему эта выдуманная Дульцинея Тобосская нужна как поэзия.**

Вероятно, у Данте не было романа с Беатриче, потому что она была чужой женой. И дай Бог, слава Богу, что не было романа<sup>50</sup>. И у Петрарки, вероятно, не было романа с Лаурой<sup>51</sup>. Это были другие... Они удовлетворяли другими требованиями — деление любви и супружества. Но Маяковский хотел, чтобы она его любила. Он хотел другой любви освобожденной женщины. Причем он ее все время помещал в будущее. Что он долюбит через тысячу лет, долюбит по-своему. Он не был импотентом. Его любили женщины. Его любила Лариса Рейснер. Его любила Зинаида Райх.

<sup>50</sup> Лишь дважды в жизни Данте слышал слова Беатриче (1266/1267—1290), обращенные к нему: впервые в возрасте девяти лет (а ей было восемь) у нее дома, куда его взял с собой в гости отец; второй раз через 9 лет на улице, когда она шла в сопровождении двух дам старше ее.

<sup>51</sup> Лаура — поэтический идеал Петрарки — по одной из версий Лаура де Нов (1308—1348), мать одиннадцати детей. Однако даже друзья поэта сомневались в реальности его лирической героини. Постоянно присутствующая в сонетах Петрарки, Лаура почти не упоминается в его письмах.

**В.Д.:** Как, и связь была?

**В.Ш.:** /нрзб./

**В.Д.:** Во всяком случае, он нравился Ларисе Рейснер?

**В.Ш.:** Очень. Я тоже нравился. Но он... Она, когда накрывала постель, говорила: «Кушать подано».

**В.Д.:** Ах, она тоже была такая вольная женщина?

**В.Ш.:** Так мы же все были вольные. Мы все вольные были. А кто нам был неволя? Почему? Если он мне нравится? Если он мне сейчас нравится?



Лариса Рейснер в 1925 г.



Мы переносим, когда у нас есть квартиры и пенсии, и мы боимся алиментов, и мы нравы 50-летней революции переносим в 10-летнюю революцию. Это другая... другая нравственность, не установленная нравственность, но не опровергнутая.

То, что Володя убит этими вещами, что его не сделали счастливым, это не опровергает возможность этого.

Это было... Это:

*Да, есть печальная услада*

*В том, что любовь пройдет, как снег.*

*О, разве, разве клясться надо*

*В старинной верности навек?*<sup>52</sup>

<sup>52</sup> Из стихотворения Александра Блока «На островах» (1909). См.: А.А. Блок. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 3. Стихотворения: кн. третья: 1907—1916 / подгот. текстов, коммент. В.Н. Быстрова и др. М.: Наука, 1997. С. 14.

**В.Д.:** Это Блок.

**В.Ш.:** Да. И разве Толстой не влюблен в Анну Каренину? Конечно. Он же писал об этом Анне Андреевне, своей тетке, что она... «не осуждайте ее, она у меня удочерена»<sup>53</sup>. Он ее любит, а не Кити. То есть он хочет ее судить, а она не судится, она ему неподсудна. И благополучный Левин мечтает о смерти, он мечтает о смерти, прячет от себя ружье и шнурок. Вот в чем дело-то, история, история Маяковского. Маяковский — человек будущего. Человек, придуманный в поэзии таким, какими мы будем.

<sup>53</sup> Оговорка — надо: Александре Андреевне. В книге «Энергия заблуждения» (1981) Шкловский очередной раз проговорит это: «В письме к тетке Толстой написал, что он удочерил Анну, что он не хочет, чтобы ее ругали. Трагедия Анны не трагедия одной из жен министра далекой страны, далекого для нас времени. Эта трагедия, я скажу банальным языком, — это трагедия женщины» (с. 222). Имеется в виду письмо Льва Толстого двоюродной тетушке фрейлине Александре Андреевне Толстой (между 8 и 12 марта 1876): «Моя Анна надоела мне, как горькая редька. Я с нею вожусь, как с воспитанницей, которая оказалась дурного характера. Но не говорите мне про нее дурного или, если хотите, то с ménagement <осторожностью — фр.>, она все-таки усновлена» (Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка. 1857—1903 / подгот. Н.И. Азаровой и др. М.: Наука, 2011. С. 328—329).

**В.Д.:** Но Маяковский-то, так сказать, как раз по сути дела, глубоко (ну, буду пользоваться вашими, употребленными вами социологическими терминами), он глубоко моногамен.

**В.Ш.:** Он... думаю, не совсем, не совсем.

**В.Д.:** *Не смоят любовь*

ни ссоры,  
ни версты.  
Продумана,  
выверена,  
проверена<sup>54</sup>.

<sup>54</sup> Из поэмы «Люблю» (1922). См.: Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4. С. 93—94.

**В.Ш.:** Мы как говорили? Как я говорил?..

**В.Д.:** Над этими строчками, между прочим, издевались.

**В.Ш.:** У меня было так: была жена, любовница, с которой я изменял жене, и потом женщины. У меня был спорт: чтоб я перешел от одной женщины к другой так, чтобы она не заметила, что она не первая. Мы к этому не очень серьезно относились.

**В.Д.:** Но это как раз свойственно XIX веку больше, чем...

**В.Ш.:** Может быть, но Володя Лиллю любил, но он хотел, чтобы она была свободной.

**В.Д.:** Это понятно — свободной. Это понятно. В том, чтобы не было, так сказать, обязательной привязанности, причем эта привязанность тем более как-то еще пересекалась бы с какими-то имущественно-бытовыми...

**В.Ш.:** Да-да-да.

**В.Д.:** Это понятно. Но... Вы говорите сейчас... про себя говорите, что была любовница, еще женщины, значит, возможно... секс может быть абсолютно свободен от человеческого отношения.

**В.Ш.:** Он у нас, знаете ли, нет... он у нас...

**В.Д.:** Почему это будущее? Вот в чем вопрос.

**В.Ш.:** Мы...

**В.Д.:** Может, это как раз прошлое?

**В.Ш.:** Мы... Нет. Мы думали, что... прежде всего, Маяковский-то думал, что можно жить «и болью дорожась»<sup>55</sup>. Он жил неприятностями. Но мы думали, что это... что мы не платим, мы не связываем, мы помогаем, но мы не думаем, что мы владельцы. Мы не старшие для них.

<sup>55</sup> Из поэмы «Про это» (1923). См.: Там же. С. 183.

**В.Д.:** Не старшие?

**В.Ш.:** Не старшие, для них, для этих женщин. И вот это ощущение потери собственности, что вы сперва завладеете женщиной, как бы приобретете, а потом она ваша. Она не ваша, она...

**В.Д.:** Вы каждый день должны завоевывать снова.

**В.Ш.:** Да. Она... она своя. Она своя. И когда я влюблен был в Эльзу, я разогнал, правда, вокруг нее на километр всех мужчин<sup>56</sup>. Просто они боялись меня, но это было просто от дурного характера.

<sup>56</sup> В книге «О теории прозы» (1983) Шкловский рассказывает об обстоятельствах, сопутствовавших созданию книги «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (1923), посвященной Эльзе Триоле: «Я в это время был влюблен. Влюблен так, что разогнал от женщины, на которую был влюблен, на километр всех людей, которым она нравилась» (с. 77).

**В.Д.:** Выходило, что если бы вы не разогнали, а держались бы на противоположном полюсе, так, как держался Осип Максимович: «Прими ванну»<sup>57</sup>, то...

<sup>57</sup> Фраза Осипа Брика, известная от Лили Брик. Так, с ее слов шведский исследователь русского авангарда Бенгт Янгфельдт рассказывает, как однажды на прогулке она столкнулась с двумя молодыми людьми из московского бомонда и отправилась вместе с ними в оперетту, а потом в ресторан, где было выпито много вина. «...И следующим утром она проснулась в комнате с огромной кроватью, зеркалом на потолке, коврами и задернутыми шторами — она провела ночь в знаменитом доме свиданий в Аптекаарском переулке. Спешно вернувшись домой, она рассказала обо всем Осипу, который спокойно сказал, что ей нужно принять ванну и обо всем забыть» (Бенгт Янгфельдт. Ставка — жизнь: Владимир Маяковский и его круг. М.: Колибри, 2009. С. 65).

**В.Ш.:** Вы откуда знаете, от меня, нет?

**В.Д.:** И от вас тоже, мне уже четыре раза говорили... то выходит, что вы были бы на более, так сказать, высоком уровне, были бы более человеколюбивым? По-моему, это вполне естественно. Это доказывает, что вы в то время Эльзу любили...

**В.Ш.:** Конечно, любил. Видите ли, в чем дело, мало, что я ее любил, я ее сделал писательницей, за то, что я ее любил. Я ее научил писать. Я дал ей индукцию. Ну вот, Эльза...

**В.Д.:** Вы Триоле знали, самого?<sup>58</sup>

<sup>58</sup> Андре Триоле (1889—1969) — французский офицер-кавалерист, приехавший в Россию в мае 1917 г. в составе военной миссии союзнической Франции. В июле 1918 г. Эльза Каган отправилась во Францию «для выхода замуж за офицера французской армии», как было написано в ее советском заграничном паспорте. Добиралась через Норвегию и Англию и попала в Париж только в 1919 г. 20 августа вышла замуж за Андре Триоле, приняла фамилию мужа и уехала вместе с ним на остров Таити. Через год они вернулись в Париж, а в 1921 г. разошлись. В письмах Лиле 1960-х гг. Эльза называет его Андреем, но чаще Петровичем. Сообщает, в частности, 22 октября 1963 г., что между его операциями ходит к нему в больницу каждый день (Лили Брик — Эльза Триоле. Неизданная переписка. 1921—1970 / сост., вступ. ст. В.В. Катаняна; подгот. текста и коммент. И.И. Аброскиной, И.Ю. Генс. М.: Эллис Лак, 2000. С. 420).

**В.Ш.:** Знал. Эльза более прозаичная, чем... менее трагичный человек, чем Лиля, но она преданный человек Арагону<sup>59</sup>.

<sup>59</sup> Луи Арагон (1897—1982) — французский поэт и прозаик, член Гонкуровской академии. С 1927 г. член Французской коммунистической партии (с 1954 член ЦК). Участник Сопротивления. Редактор еженедельника «Les Lettres françaises» (1953—1972). Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1957). Муж Эльзы Триоле (1928—1970).

**В.Д.:** Значит, преданность — это не есть какая-то коренная черта женщин.

**В.Ш.:** Не знаю. Вы знаете что, я этими вопросами не заинтересован. Я не заинтересован. Женщины ревнивы. Я не очень ревнив, вообще.

**В.Д.:** Ну, а если разогнали?..

**В.Ш.:** Разогнал — это... Они меня боялись. Я одного человека взял и бросил в Рейн. Но это... я не думал, что это мое право. Это мой характер.

**В.Д.:** А вы были физически сильным?

**В.Ш.:** Очень сильным.



**Я у Эльзы в квартире ударил кулаком изразцовую печку и вышиб изразец голым кулаком.**

**В.Д.:** Плохой был печник.

**В.Ш.:** Что?

**В.Д.:** Плохой был печник.

**В.Ш.:** Плохой был печник. Нет! Эта был немецкий печник, немецкий печник был. Причем, видите, в чем дело было. Вот если вы ударите этот стол, не думая о руке, то, вероятно, его можно сломать. А если вы подумаете о руке, вы его никогда не сломаете. Вы разобьете руку.

Ну вот, Володя... Володя был трогательный любовник. Он ее страшно любил. А Лиля думала, вот есть бабья такая: «А я? Я тоже», — понимаете ли?

**В.Д.:** Что «я тоже»?

**В.Ш.:** «А я тоже человек». Ну правильно, человек, но я поссорился с...

**В.Д.:** Но она о нем мало думала.

**В.Ш.:** Мало думала.

**В.Д.:** Значит, вот это все-таки и есть. При всей премудрости все-таки находятся некоторые простые и извечные /нрзб./ истины, что... Впрочем, и у Маркса сказано об этом. Я не берусь спорить цитатами, что, так сказать, в отношениях мужчины и женщины более всего проявляется степень человеческого развития человека<sup>60</sup>. И вот мне и кажется, что новые... трагизм Маяковского был в том... не в том, что он стал недостаточно новым человеком в каком это они представляли, а наоборот, в том, что он был очень человечен в любви, а Лиля была бесчеловечна.

<sup>60</sup> Отсылка к «Экономическо-философским рукописям 1844 года» Карла Маркса: «Непосредственным, естественным, необходимым отношением человека к человеку является отношение мужчины к женщине. В этом естественном родовом отношении человека к природе непосредственно заключено его отношение к человеку, а его отношение к человеку есть непосредственным образом его отношение к природе, его собственное природное предназначение. Таким образом, в этом отношении проявляется в чувственном виде, в виде наглядного факта то, насколько стала для человека природой человеческая сущность, или насколько природа стала человеческой сущностью человека. На основании этого отношения можно, следовательно, судить о ступени общей культуры человека» (Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. К. Маркс: январь — август 1844 / подгот. к печати А.К. Воробьева и А.И. Малыша. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 115).

**В.Ш.:** Она не бесчеловечна была, она была буржуазна.

**В.Д.:** Это, очевидно, одно и то же.

**В.Ш.:** Теперь история такая. Однажды Лиля полюбила. Она полюбила Краснощекова.

**В.Д.:** Вы считаете, что это любовь была?

**В.Ш.:** Да. Она развелась с Бриком...

**В.Д.:** Да, это вы рассказывали.

**В.Ш.:** ...уехала из его квартиры.

**В.Д.:** В Сокольники, это я знаю.

**В.Ш.:** Она перестала встречаться с Володей, и Володя написал «Про это»<sup>61</sup>.

<sup>61</sup> Над поэмой «Про это» Маяковский работал с конца декабря 1922 г. — от полутора до двух месяцев, согласившись на двухмесячное «домашнее заключение», которого потребовала от него Лиля Брик, чтобы он наедине с самим собой критически разобрался в себе и в их отношениях. Для автора — это поэма «по личным мотивам об общем быте» (I, 26). Впервые — Лиле Брик — он прочитал «Про это» 28 февраля 1923 г.

**В.Д.:** Но она... (Усмехается) С другими она продолжала встречаться.

**В.Ш.:** Я не знаю, в этот момент, этого я не знаю. Я с ней никогда не жил. Ну вот, так что я не знаю. Но, знаете, мне сейчас

семьдесят шестой год, так что я, конечно... мне легче разговаривать про ревность (*поправка*) не ревность, а верность. Но я просто ее не понимал.

**В.Д.:** Ее?

**В.Ш.:** Я не понимал верности, не понимал. Причем я...

**В.Д.:** Верности Маяковского? Или вообще?

**В.Ш.:** Вообще. Я был женат на одной женщине сорок лет, имел детей, был хорошим мужем, страшно хорошим мужем, заботился о женщине<sup>62</sup>. Но там была другая история. Она не очень верила, что я хороший писатель, что надо зарабатывать, время прошло. Но не понимала. Хороший человек. Но когда я приехал...

<sup>62</sup> В 1919 г. Шкловский женился на художнице Василисе Георгиевне Корди (после замужества Шкловская-Корди; 1890—1977). Их дети — Никита Шкловский-Корди (1924—1945, погиб на фронте) и Варвара Шкловская-Корди (1927). С 1956 г. Шкловский был женат на Серафиме Густавовне Суок (1902—1982).

**В.Д.:** А вас не печатали...

**В.Ш.:** Что?

**В.Д.:** А вам мешали печататься.

**В.Ш.:** Ну, да-да, конечно.

**В.Д.:** У вас же была очень трудная полоса...

**В.Ш.:** Очень.

**В.Д.:** ...длинная.

**В.Ш.:** Очень длинная. Но когда я вернулся<sup>63</sup>, то я каждому говорил, что я разъехался со своей женой, и Маяковский ее разыскал.

<sup>63</sup> Зная, что его разыскивает ОГПУ, 14 марта 1922 г. Шкловский бежал из Петрограда в Финляндию по льду Финского залива. Жил в Берлине. В сентябре 1923 г. вернулся на родину.

**В.Д.:** Это когда вы вернулись из-за границы?

**В.Ш.:** Да, да. И мы встретились с ней... Он взял мотоцикл, нашел нас обоих и свез нас на Водопьяный переулок<sup>64</sup>, чтоб мы не разошлись.

<sup>64</sup> В Водопьяном переулке (д.3, кв. 4) Брики и Маяковский жили с сентября 1921 г. И сам дом на углу Мясницкой улицы, и весь переулок снесены при реконструкции Тургеневской площади в начале 1970-х гг.

**В.Д.:** Он об этом позаботился?

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Вот это очень интересный факт. «Пусть, если мне не удастся, пусть другие будут счастливы, пусть живут так, как я хочу».

**В.Ш.:** Да. И очень был рад, когда у меня родился ребенок. И написал об этом.

**В.Д.:** Где?

**В.Ш.:** Он написал об этом...

**В.Д.:** Письмо?

**В.Ш.:** Что? Нет! Он написал... в одном месте говорил, что он советует человеку дать имя Никита своему сыну: «У Шкловского родился сын, он назвал его Никитой и доволен».

**В.Д.:** И это он посоветовал Лавинскому<sup>65</sup>?

<sup>65</sup> Антон Михайлович Лавинский (1893—1968) — скульптор, архитектор, график, дизайнер; профессор ВХУТЕМАСа. Работал над «Окнами РОСТА», входил в ЛЕФ, был художником журналов «ЛЕФ» и «Новый ЛЕФ». Его жена — Елизавета Александровна Лавинская (1901—1950), художница, тоже левовка. Их сыну — Никите (Глебу-Никите) Антоновичу Лавинскому (1921—1986), в будущем скульптору-монументалисту, — было уже три года, когда родился Никита Шкловский.

**В.Ш.:** Да. Не знаю кому.

**В.Д.:** У Лавинских сын Никита. И у Вас Никита? Это тот, кто погиб на войне?

**В.Ш.:** Да. И внук у меня Никита<sup>66</sup>.

<sup>66</sup> Никита Ефимович Шкловский-Корди (1952) — сын Варвары Викторовны Шкловской-Корди и Ефима Арсентьевича Либермана.

**В.Д.:** И внук. Ах, у вас есть еще внук? Это вот от первой вашей жены?

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Значит, все-таки вы пришли-то очень кружным путем к тому, что Маяковский утверждал верность.

**В.Ш.:** Видите ли, в чем дело. Это сейчас меня не касается. Это дело Маяковского. Я другого мнения, я другого мнения. При чем, знаете, я уже... У меня еще есть половая сила, но это уже не то, я уже не волнуюсь из-за этого так, но у меня отец шестидесяти трех лет университет кончил, математический факультет, так что мы крепкие. Вот я сейчас кончил книгу, тринадцать листов<sup>67</sup>. А через три дня начну другую, об Эйзенштейне<sup>68</sup>. Ну вот. Я думаю, что... я не думаю, что вот... ну,

что вы делаете? Вы женитесь. Аристотель говорил, что между женой и мужем должна быть разница в семнадцать лет<sup>69</sup>. Но предположим, что вы женились двадцати лет (я женился восемнадцати лет<sup>70</sup>), проходит сорок лет...

<sup>67</sup> По-видимому, это: Виктор Шкловский. Тетива: о несходстве сходного. М.: Советский писатель, 1970. 376 с. Печ. л. 11¼. Уч.-изд. л. 17½.

<sup>68</sup> Виктор Шкловский. Эйзенштейн. М.: Искусство, 1973 (серия «Жизнь в искусстве») 2-е изд. 1976.

<sup>69</sup> Если женщине для замужества достаточно было достичь возраста, позволяющего рожать здоровых детей, то мужчине до женитьбы нужно было добыть средства на содержание семьи.

<sup>70</sup> Здесь Шкловский промахнулся то ли на восемь, то ли на девять лет. В «Сентиментальном путешествии» (1924) он писал: «...я женился в 1919 или 1920 году, при женитьбе принял фамилию жены — Корди, но не выдержал характера и подписываюсь Шкловский <...>» (с. 56). В 1919 г. ему было 26 лет.

**В.Д.:** Вам пятьдесят восемь.

**В.Ш.:** Мне пятьдесят восемь<sup>71</sup>. Ну, я еще довольно молодой человек. Я сейчас не хочу пробовать силу, но стул я могу разбить. А она совсем старая женщина, совсем старая женщина. И она, она этого не может делать. Не может этого делать с таким энтузиазмом, как я... Это не выходит. Так что это, это не закон природы, это не закон природы, это наша теперешняя жизнь. Володя попробовал другое — тоже не вышло, женщина не та. Она не поверила, что он ее лучше.

<sup>71</sup> Шкловский родился 12 (24) января 1893 г. Беседа состоялась 28 августа 1968 г. И шел ему 76-й год.

**В.Д.:** Что он ее больше?

**В.Ш.:** Что он ее больше. Она думала, по отношению к Володи, что Ося его больше.

**В.Д.:** Что Ося больше, чем Володя?

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Как человек искусства и вообще как человек?..

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Ну, тогда она просто глупая.

**В.Ш.:** Она, конечно, дура.

**В.Д.:** Вы не считаете ее интеллектуально сильным человеком?

**В.Ш.:** Нет.

**В.Д.:** Нет?

**В.Ш.:** Нет. Видите ли...

**В.Д.:** Имея сексуальную силу, но...

**В.Ш.:** Я не знаю, я с ней не жил...

**В.Д.:** Нет, но что она интеллектуально человек не богатый?

**В.Ш.:** Нет, она буржуазный человек. Но то, что вот написали — это безобразие.

**В.Д.:** Но это — черт с ним, это вообще забудется, слава Богу, я думаю, что... Это желтая пресса. Вы имеете в виду «Огонек»?<sup>72</sup>

<sup>72</sup> Статьи в «Огоньке» (см. примечание 231) направлены не только против Осипа Брика, но и против Лили Брик, Рудольфу Дуганову и мне Лилиа Юрьевна сказала в декабре 1968 г.: «Меня как будто палками побили на улице».

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Бог с ними. Но с другой стороны... Вы прочли то, что я вам дал?

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Да, конечно, сплетню обсуждать нельзя, но вообще, поскольку Маяковский гений, а я в этом... на том стою и убежден в этом абсолютно...

**В.Ш.:** Я тоже думаю.

**В.Д.:** ...постольку, когда все это уйдет, люди будут интересоваться, поэтому я лезу во все.

**В.Ш.:** Видите, это такая история с Толстыми<sup>73</sup>.

<sup>73</sup> В 1963 г. Шкловский выпустил в серии «Жизнь замечательных людей» книгу «Лев Толстой». В 1967 г. она вышла 2-м, исправленным изданием. И семейную жизнь Толстых автор знал не понаслышке.

**В.Д.:** Слишком рано стали заниматься...

**В.Ш.:** Что?

**В.Д.:** Его семейной трагедией стали заниматься слишком рано.

**В.Ш.:** Да. Но он был очень несчастлив, и она была несчастлива. А он, может быть, был ей верен, а может быть, и нет.

**В.Д.:** Горький пишет, что она была на протяжении пятидесяти лет его единственной женщиной<sup>74</sup>. А это не так?

<sup>74</sup> В очерке «О С.А. Толстой» (1924), защищая жену Льва Толстого от нападок, М. Горький уверяет: «Говоря о жене его, следовало бы помнить, что при всей страстности натуры художника София Андреевна была единственной его женщиной на протяжении почти полувека» (М. Горький. Полное собрание сочинений: Художественные произведения: в 25 т. Т. 16. Повесть <«Мои университеты»>, рассказы, очерки, стихи. 1917—1924 / подгот. текстов и коммент. Ю.И. Шведовой и др. М.: Наука, 1973. С. 368).

**В.Ш.:** Врет.

**В.Д.:** Была такая фраза.

**В.Ш.:** Он говорил это.

**В.Д.:** Толстой?

**В.Ш.:** Толстой. Но он врет.

**В.Д.:** Вы думаете, что Толстой тут говорил неправду, да?

**В.Ш.:** Неправду. Ему очень хотелось, чтоб это было, для себя.

**В.Д.:** Для воплощения...

**В.Ш.:** Видите, он ее не любил особенно.

**В.Д.:** А Маяковский Лилию любил.

**В.Ш.:** Любил.

**В.Д.:** И мне казалось, что будь какой-то...

**В.Ш.:** Человечность.

**В.Д.:** ...какая-то, действительно, большая нежность и человечность...

**В.Ш.:** Все было бы хорошо.

**В.Д.:** ...то могло бы быть как-то и по-другому.

**В.Ш.:** Конечно.

**В.Д.:** Хотя я понимаю, что после такой семьи, хорошей, честной, но уж очень пресной, его потянуло в этот...

**В.Ш.:** Буржуазный мир.

*Тебя пою,*

*накрашенную,*

*рыжую<sup>75</sup>.*

<sup>75</sup> Из поэмы «Флейта-позвоночник» (1915). См.: Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. С. 203.

**В.Д.:** Да. Но, понимаете...

**В.Ш.:** Я думаю, «все вы бабы — дуры...»

**В.Д.:** «Трясогузки и каналы».

**В.Ш.:** «Все вы бабы бляди...», а не «дуры».

**В.Д.:** А у него не «дуры» —

*— Все вы,*

*бабы,*

*трясогузки и каналы...*

*Что ей крейсер,*

*дылда и пачкун?<sup>76</sup>*

Это скорее то же самое...

<sup>76</sup> Из стихотворения «Разговор на одесском рейде десантных судов: "Советский Дагестан" и "Красная Абхазия"» (1926). См.: Там же. Т. 7. Вторая половина 1925 — 1926 / подгот. текста стихотворений 1926 г. и примеч. к ним В.В. Тимофеевой. М., 1958. С. 191.

**В.Ш.:** «Трясогузки» — это все равно.

**В.Д.:** Тот же смысл? Но вместе с тем...

**В.Ш.:** Он ее любил.

**В.Д.:** *Нам надоели небесные сласти —*

*хлебище дайте жрать ржаной!*

*Нам надоели бумажные страсти —*



*дайте жить с живой женой!*<sup>77</sup>

<sup>77</sup> Из «Мистерии-буфф» (1918). См.: Там же. Т. 2. 1917—1921 / подгот. текста и примеч. Н.В. Реформатской. М., 1956. С. 170.

Это как будто утверждение вульгарного материализма такого, но в этом же есть и другое. Понимаете ли, Брик пишет во «Взял» статью об «Облаке» — «Хлеба!», где, вы помните, говорится, что мы обжирались пирожными, а теперь у нас есть черный хлеб<sup>78</sup>. Но Маяковский не обжирался пирожными ни буквально, ни метафорически.

<sup>78</sup> О.Б. Хлеба! // Взял. С. 12—13.

**В.Ш.:** Никогда.

**В.Д.:** Он отплюнулся от пирожных в юности.

**В.Ш.:** Конечно.

**В.Д.:** Вот ведь в чем дело.

**В.Ш.:** Конечно.

**В.Д.:** Вы согласны с этим?

**В.Ш.:** Конечно, конечно.

**В.Д.:** Понимаете, тогда и весь вопрос о «кушать подано» становится все-таки по-другому.

**В.Ш.:** Видите, «кушать подано» тоже. Двое молодых людей, понимаете, двое молодых людей, кто... Я недавно прочел у какого-то восточного... в былине, да, в былине, что две лошади встретились богатырей, богатырь подарил богатырихе лошадь, и у него лошадь. И они заигрались. /нрзб./ не сходится. Что им мешать? Понимаете, в чем дело, Лиля... Я даже не думаю, что она очень сексуальная женщина.

**В.Д.:** Вот так уверяют, что она была исключительной, так сказать, в этом смысле, что она была такой Мессалиной, ненасытной гетерой, которая с огромным половым любопытством...

**В.Ш.:** Любопытство было большое. Она неподходящая жена.

**В.Д.:** Жена, да.

**В.Ш.:** Жена неподходящая.

**В.Д.:** А почему вы так в вашей первой записи так огульно пренебрежительно отозвались о Полонской: что это заведомо ложный адрес?

**В.Ш.:** Видите, я про Полонскую знаю, что она потом сошлась с Осипом Бескиным.

**В.Д.:** Это точно?

**В.Ш.:** Говорят, да.

**В.Д.:** Я спросил ее... Я не знал, не обратил внимания на это, а просто мы разговаривали, я говорю: «Бескина звали мелкий Бескин». Она очень рассмеялась и сказала: «Совершенно точно».

**В.Ш.:** Это мое прозвище.

**В.Д.:** Ну да, это вы рассказывали.

**В.Ш.:** «Мелкий Бескин» был любовником Лили, и я ей сказал, что это невозможно, она сказала: «Я могу об нем написать на четырех страницах, какой он хороший мужчина, а Володя — мужчина на два с минусом».

**В.Д.:** Это кто сказал? Лиля?

**В.Ш.:** Лиля.

**В.Д.:** Но это значит абсолютное отделение, так сказать, секса от личности. А это значит, мне так кажется (может быть, я действительно старомоден), это разложение личности.

**В.Ш.:** Володя... Но, с другой стороны, она Володе предлагала перед поездкой в Мексику, что «давай устроим семью, сделаем ребенка...» А он уехал (?). Он тоже ей не построил семью. Может, надо было на нее покричать. Понимаете?

**В.Д.:** Он был слишком пажом.

**В.Ш.:** Пажом.

**В.Д.:** Потом он не был хозяином.

**В.Ш.:** Надо быть хозяином.

**В.Д.:** Это просто...

**В.Ш.:** А потом трудно, трудно это. Но должен вам сказать, что она не интеллектуальна, Лиля, но она интересный человек. Она неплохой товарищ. Она не очень жадна.

**В.Д.:** Не очень?

**В.Ш.:** Не очень.

**В.Д.:** Но вместе с тем, не забывая о нем, она все-таки требовала от него забот, денег и всего....

**В.Ш.:** Конечно. Требовала.

**В.Д.:** Вот эта односторонность в этом при односторонности в сторону Маяковского в главном, очень как-то...

**В.Ш.:** Тут еще одно.



**Вы подумайте, как трудно зарабатывать деньги систематически несистематическим трудом. Не пишется. А деньги нужны. И нужно денег много. Хотя Брик тратил немного, но тоже надо кормить Брика.**

**В.Д.:** Брик тоже кормился Маяковским?

**В.Ш.:** Конечно.

**В.Д.:** А сам почти ничего не зарабатывал?

**В.Ш.:** Да, не зарабатывал. Но он не рвач.

**В.Д.:** Она, вы хотите сказать, не скупа?

**В.Ш.:** Это да, она не скупа.

**В.Д.:** Она вместе с Маяковским даже щедра. Но быть щедрым за чьей-то спиной — это другое...

**В.Ш.:** Володя был человек очаровательный. Очаровательный товарищ. Внимательный. Добрый. Хорошая хозяйка. Он умел принимать людей. (*Дувакин усмехается.*) Он был грузин.

**В.Д.:** Ах так, да? Ну вот, по-моему...

**В.Ш.:** Я за свою жизнь столько не насплетничал, сколько сегодня. Но будем продолжать вот это преступное действие.

**В.Д.:** Записи для истории. История ставит /нрзб./.

**В.Ш.:** У Лили была такая манера. Они говорили друг другу: «Наверти мне такого-то»<sup>79</sup>. По-моему, так. Ну, скажем, она хочет кого-нибудь полюбить. И ее, значит, женщины, которых мы называли «поддилками».

<sup>79</sup> Лиля Брик позаимствовала это выражение у своей подруги — балерины Екатерины Гельцер (1876—1962): «Романы свои она называла “навертами” и, когда ей нравился какой-нибудь мальчик, просила: “Навертите меня ему”» (Лилия Брик. Пристрастные рассказы. С. 26).

**В.Д.:** Как? Поддилками?

**В.Ш.:** Да. Не от слова «подлый», а от слова «Лилия». «Лилия» и «поддилки».

**В.Д.:** А, как «подмаксимки» были<sup>80</sup>.

<sup>80</sup> «Подмаксимки» Зинаида Гиппиус назвала «бесчисленных» последователей и подражателей Максима Горького (Антон Крайний. Братская могила // Вesy. 1907. № 7. С. 58).

**В.Ш.:** «Подмаксимки». Так вот, поддилки начинали ей наворачивать. Рассказывать про какого-нибудь человека, заинтересовывать ее. И вот Лилия боялась, что Маяковский от нее уйдет, и поэтому, как Потемкин, она ему наворачивала женщин, не опасных для нее<sup>81</sup>. Так она ему наворачивала Полонскую. Вот такая история. Лилия хотела снимать картину, хотела снимать картину в месте, которое было ей подчинено — «Межрабпом-Русь»<sup>82</sup>...

<sup>81</sup> Григорий Александрович Потемкин (1739—1791) — государственный деятель, генерал-фельдмаршал; официальный фаворит Екатерины II с 1774 по 1776 г. и, видимо, ее мorganатический супруг с 1775 г. С 1777 по 1789 г. поставлял Екатерине новых фаворитов из числа своих бывших адъютантов. Это Семен Гаврилович Зорич (1745—1799; официальный фаворит в 1777—1778), Иван Николаевич Римский-Корсаков (1754—1831; официальный фаворит в 1778—1779), Александр Дмитриевич Ланской (1758—1784; официальный фаворит в 1780—1784), Александр Петрович Ермолов (1754—1834; официальный фаворит в 1785—1786) и Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов (1758—1803; официальный фаворит в 1786—1789).

<sup>82</sup> Советская кинокомпания, созданная в Москве в 1924 г. В 1928 г. преобразована в киностудию «Межрабпомфильм» (впоследствии Киностудия им. М. Горького).

**В.Д.:** Почему подчинено?

*(Звук настолько плох, что в правильности расшифровки следующего отрывка беседы нет уверенности. — Ред.)*

**В.Ш.:** Потому что работал Ося. Ося работал в сценарном отделе<sup>83</sup>. А у Оси были там свои люди, были... был там, значит, Олег Леонидов<sup>84</sup>, потом там Яхнина работала секретаршей этого... владельца предприятия<sup>85</sup>. Вот, значит, она<sup>86</sup> захотела снимать. Так как снимать она не могла, то к ней был приставлен человек — Жемчужный<sup>87</sup>. Они снимали картину, представляющую из себя пародию на картины «Межрабпома».

<sup>83</sup> С 1926 г. Осип Брик заведовал литературным отделом студии «Межрабпом-Русь» (затем «Межрабпомфильм»).

<sup>84</sup> Олег Леонидович Леонидов (1893—1951) — сценарист, прозаик, критик. Как и сам Шкловский, работал в отделе у Осипа Брика.

<sup>85</sup> Евгения Иосифовна Яхнина (1892—1979), секретарь дирекции кинофабрики, написала несколько исторических повестей для детей в соавторстве с Михаилом Никифоровичем Алейниковым (1885—1964), руководившим компанией «Межрабпом-Русь».

<sup>86</sup> Т. е. Лилия Брик.

<sup>87</sup> Виталий Леонидович Жемчужный (1898—1966) — в начале 1920-х гг. режиссер и актер Театра Вс. Мейерхольда, затем заведующий редакцией журнала «Советское кино», в 1927—1937 гг. кинорежиссер; сценарист.



Афиша фильма «Стеклоанный глаз». 1928

**В.Д.:** Это «Стеклоанный глаз» называлась?<sup>88</sup>

<sup>88</sup> «Стеклоанный глаз» («Фильм о фильме») —48-минутная лента, снятая в 1928 г. Авторы сценария и режиссеры Лиля Брик и Виталий Жемчужный. Актеры Николай Прозоровский, Вероника Полонская, Анатолий Головня.

**В.Ш.:** Да, «Стеклоанный глаз». Стеклоанный глаз — это, значит, выражение, взятое... перефразировка...

**В.Д.:** «Киноглаза»<sup>89</sup>.

<sup>89</sup> «Киноглаза» для «киноков» — это собственно объектив кинокамеры и в то же время способ увидеть жизнь в такой полноте и яркости, которая не доступна человеческому глазу.

**В.Ш.:** «Киноглаза». Таким образом, это вещь была выюющаяся вещь, она цеплялась за Дзигу Вертова и, отрицая, повторяла схемы «Межрабпом-Русь». Там была история... Там снималась красивая женщина Полонская и, я уже забыл, как его звали, человек, который снимался тогда в картине «Герой нашего времени» — Печорин<sup>90</sup>.

<sup>90</sup> Николай Петрович Прозоровский (Бржезицкий-Прозоровский; 1905—1935). В роли Печорина снялся в фильмах «Княжна Мери» (1926), «Максим Максимыч» и «Бэла» (оба 1927).

**В.Д.:** Очень красивый /нрзб./.

**В.Ш.:** Что? Да. И там... Это была пародия и она кончалась тем, что мужчина и женщина вдвоем выходили из воды сухими, в халатах. Лиля ела яблоки на съемках. Руководил съемкой Жемчужный, который был небольшим, но только документальным режиссером. И здесь Лиля увидела Полонскую. *(Конец записи низкого качества. — Ред.)* Она как-то ее связала с Володей в качестве своей временной заместительницы.

”

Лиля, когда уезжала, то говорила мужчинам: «Я уезжаю, делайте что хотите, только чтобы не было детей». А приезжая, давала телеграмму: «Произведите ремонт и дезинфекцию»\*. Вот так появилась Полонская.

<sup>91</sup> В письме из Риги в Москву (начало января 1922 г.) Лиля Брик писала Осипу Брику и Маяковскому: «Вы, конечно, понимаете, что, несмотря на то, что я очень радуюсь, что вы так веселитесь, — вам перед моим приездом придется открыть все окна и произвести дезинфекцию» (Бенгт Янгфельдт. Любовь это сердце всего. С. 90).

**В.Д.:** Дети, кстати, начисто отсутствуют в этой теории свободной любви.

**В.Ш.:** Да. Полонская была красивая женщина, нежная (?), /нрзб./.

**В.Д.:** Нежная (?)

**В.Ш.:** /нрзб./ И она... У меня впечатление, что Володя в нее был влюблен...

**В.Д.:** В Полонскую?

**В.Ш.:** В Полонскую, да. После съежек... я теперь вспоминаю, как он ее ждал, он ее ждал в саду тогдашнего «Огонька».

**В.Д.:** На Страстном бульваре<sup>92</sup>.

<sup>92</sup> Редакция журнала «Огонек», возобновленного в 1923 г. М.Е. Кольцовым, помещалась до 1938 г. на Страстном бульваре (д.11, стр. 1). На доме — мемориальная доска, посвященная Кольцову.

**В.Ш.:** Да-да. Очень волновался. Наконец она пришла. Связь Володи с Полонской бóльшая, чем та, на которую рассчитывала Лиля. И Лиля, по- моему, однажды даже устроила скандал Полонской, говоря ей при Маяковском, что Володя не мужчина<sup>93</sup>, что...

<sup>93</sup> Чтобы уязвить Маяковского, Лиля, обращаясь к Полонской, назвала его импотентом. Но Полонской, которая была в близких отношениях с Маяковским, говорить это не имело смысла.

**В.Д.:** Почему она так говорила?

**В.Ш.:** Что?

**В.Д.:** Ведь он действительно не был импотентом. Что это значит?

**В.Ш.:** Не был, не был. Ну...

**В.Д.:** Очевидно, это было /нрзб./.

**В.Ш.:** Ну вот. Теперь, ну, сохранился у Перцова план разговора с Полонской<sup>94</sup>...

<sup>94</sup> Составленный Маяковским 12—14 апреля 1930 г. план разговора с Полонской впервые воспроизведен в книге В. Перцова «Маяковский: жизнь и творчество в последние годы. 1925—1930» (М.: Наука, 1965. С. 373). Автограф Маяковского, находившийся в архиве Лили Брик, в 1967 г. был передан в Библиотеку-музей поэта. Повторно приведен в книге: «В том, что умираю, не вините никого?». С. 380—381.

**В.Д.:** Ну, по всем пунктам этого плана мы с Вероникой Витольдовной прошли<sup>95</sup>.

<sup>95</sup> 5 апреля 1968 г. (3-я беседа Дувакина с Полонской) и 30 мая того же года 6-я беседа).

**В.Ш.:** Что?

**В.Д.:** По всем пунктам этого плана мы... Не у Перцова сохранилось, а в рукописях Маяковского. Перцов только фотографию сделал потом.

## Последние встречи с Маяковским

**В.Ш.:** Ну вот. Значит, что же дальше? В последние времена жизни, когда Маяковский еще был жив, я с ним мало встречался, потому что у меня были очень плохие отношения с Лилей. Однажды я сидел в левом корпусе Дома литераторов, там, где был тогда большой зал, зал конференций. Там сейчас правление.

**В.Д.:** Клетушки.

**В.Ш.:** Теперь клетушки, а тогда был зал.

**В.Д.:** Это правая сторона?

**В.Ш.:** Если стоять...

**В.Д.:** Если стоять лицом к...

**В.Ш.:** Левая.

**В.Д.:** ...зданию...

**В.Ш.:** Левая, левая.

**В.Д.:** Левая<sup>96</sup>.

<sup>96</sup> Речь о здании, которое москвичи называют «домом Ростовых», с памятником Л.Н. Толстому во дворе (Поварская улица, дом 52). С середины 1920-х гг. здесь был Клуб писателей и штаб-квартира ФОСП — Федерации объединений советских писателей. В большом зале с 15 по 17 апреля 1930 г. прощались с Маяковским. Впоследствии здесь разместился аппарат Союза советских писателей. Для его нужд на месте зала были устроены служебные кабинеты. Если стоять лицом к зданию, то бывший зал и последующие кабинеты размещались в правом крыле.

**В.Ш.:** Я сидел с этим... с покойным Никулиным<sup>97</sup>. Показался очень мрачный Маяковский.

<sup>97</sup> Лев Вениаминович Никулин (1891—1967) — прозаик, драматург, журналист; автор воспоминаний «О Маяковском» (Лев Никулин. Воспоминания и встречи // Знамя. 1939. № 9. С. 168—184).

**В.Д.:** Это когда примерно было?

**В.Ш.:** Ну, это было в месяц смерти.

**В.Д.:** Ах, так — конец марта, начало апреля<sup>98</sup>.

<sup>98</sup> Никулин относит этот эпизод к открытию выставки «20 лет работы Маяковского», т. е. к 1 февраля 1930 г.: «Позади выставки была другая и третья комната, выкрашенная в раздражающий ярко-синий цвет. В этой комнате я и Виктор Шкловский ожидали Маяковского. Он пришел и спросил меня о парижских друзьях и знакомых (Никулин только что вернулся из Парижа. — В.Р.). Он спросил обо всех, но не назвал красивую женщину (Татьяну Яковлеву. — В.Р.), которую я не раз видел с ним в Париже. <...> Он ничего не спросил о ней, хотя, конечно, это было ему нелегко. Он сразу заговорил о другом и неожиданно, с какой-то излишней страстью стал рассказывать о домах-коммунах. В трудный год, весной 1930 года, в дни "головокружения от успехов", много говорили о новом устройстве быта. Говорили о домах-коммунах, где как бы осуществлены отношения людей в коммунистическом обществе — все заработанные деньги идут в общий котел, и каждый берет из котла, сколько ему нужно по потребностям. Маяковский говорил об этой форме быта с каким-то страстным упорством, точно заглушая в себе горькую, глубокую печаль. И это внезапное увлечение казалось мне в то время тоже своеобразным "головокружением от успехов". Я помню, что ответил ему скептической шуткой. Маяковский промолчал» (Знамя. 1939. № 9. С. 182).

**В.Ш.:** Он заговорил, и говорил, что «вот как хорошо, что существуют производственные коммуны, где деньги все кладут в коробку, а потом каждый берет сколько ему надо». Я говорю: «Это хорошо, когда нечего покупать. Когда появятся потребности... (а сколько он заработал — ерунду). Потом это не решение вопроса — эти коробки. Это на две недели — коробки». Володя пошел.

**В.Д.:** А кто это рассказывал про коробки?

**В.Ш.:** Володя. У него было такое... это была эпоха производственных коммун.

**В.Д.:** «...от ударных бригад...»<sup>99</sup>

<sup>99</sup> Из стихотворения «Марш ударных бригад» (1930), с рефреном: «От ударных бригад / к ударным цехам, / от цехов / к ударным заводам» (Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10. 1929—1930; Стихи детям: 1925—1929 / подгот. текста и примеч. С.А. Коваленко. М., 1958. С. 162, 163, 164).

**В.Ш.:** Да, Сельвинский сюда входит<sup>100</sup>, /нрзб./ такой очередной загиб. Потом показался Леопольд Авербах<sup>101</sup>. Молодой, совсем лысый, в очках блестящих, немножко сгорбленный, потому что у него в руке был тяжелый портфель. У него был кожаный портфель. Он быстро прошел, так, как врач приходит на тайный аборт, с инструментами.

<sup>100</sup> Поэт Илья Львович Сельвинский (1899—1968), будучи председателем Литературного центра конструктивистов, в 1927—1930 гг. вел острую полемику с Маяковским, не удерживаясь от личных выпадов.

<sup>101</sup> Леопольд Леонидович Авербах (1903—1937, расстрелян) — литературный критик; генеральный секретарь РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей), ответственный редактор журнала «На литературном посту».

У меня было впечатление, что вот они идут перевоспитывать Маяковского. Пробежал такой лихорадочно румяный, белобрысый, сутуловатый Ермилов<sup>102</sup>.

<sup>102</sup> Владимир Владимирович Ермилов (1904—1965) — литературовед, критик; секретарь РАПП; активный участник проработочных кампаний. Полемически упомянут в предсмертном письме Маяковского.

**В.Д.:** Вы молодым его помните? Я только...

**В.Ш.:** Да. Они начали как? Когда...

**В.Д.:** Какое-нибудь РАППовское заседание было?

**В.Ш.:** Какое-то РАППовское, заседание<sup>103</sup>. Что с Володей произошло? Володя...

<sup>103</sup> Шкловский писал ранее об этой встрече с Маяковским вслед за Никулиным: «Я видел его в последний раз в Доме писателей на улице Воровского. Комната была освещена прожекторами. Вделанными как-то в углы в упор глазам. Сидел, разговаривал с Львом Никулиным о Париже. Прошел один человек, другой прошел. Были они с портфелями. Шли разговаривать о своих организационных делах. Прошел низкорослый человек с голым черепом, обтянутым бледной кожей. Нес он рыжий, большой, блестящий портфель. Человек очень торопился: Маяковского шли перевоспитывать. Пошел Владимир, задержался на минутку. Заговорил. Начал хвалить бытовые коммуны, которым раньше не верил. Убедили, значит. Говорил устало о коробке, в которую все кладут деньги, берут столько, сколько им надо. Никулин ответил шуткой. Маяковский не стал спорить, улыбнулся и прошел на заседание» (Виктор Шкловский. О Маяковском. 1940. С. 218).

**В.Д.:** Вы знаете, что Авербах... Простите, это вам... может, тоже к этому поводу что-нибудь дополните. Кто-то мне это говорил, то ли Вольпин<sup>104</sup>, то ли Ардов, я уже не помню, но во всяком случае, у меня записано, что Маяковский пришел длякакого-то разговора к Авербаху. И Авербах заставил его в приемной ждать час<sup>105</sup>.

<sup>104</sup> Михаил Давыдович Вольпин (1902—1988) — драматург, поэт и сценарист. Под началом Маяковского работал над «Окнами РОСТА» как текстовик.

<sup>105</sup> В записях бесед с Вольпиным и Ардовым этой детали нет. Но Ардов Авербаха не упоминает, а Вольпин о нем рассказывает.

**В.Ш.:** Угу. Правильно. Теперь, когда была последняя выставка Володи, я пришел, народу не было. Пришел Володя, очень усталый, очень усталый, больной. Ну, поздоровались. Он сказал: «Правда, много сделано?» А сделано было очень много. Кругом висело. Теперь... Потом был вечер.

**В.Д.:** А кто еще был с вами?

**В.Ш.:** Никого не помню. Потом был, значит, маленький зал, сидело, ну, четыре-пять рядов людей. Я сидел в четвертом ряду. Володя рассказывал о своей жизни, и рассказывал, что его исключили из третьего класса школы и что мама плакала<sup>106</sup>.

<sup>106</sup> Маяковский ушел не из третьего класса, а из пятого. Посреди учебного года он настоял, чтобы мать забрала его документы из гимназии. Александра Алексеевна Маяковская не смогла его переупрямить и в прошении на имя директора утверждала, что сын не может продолжать учебу по болезни. Педсовет отчислил Маяковского по стандартной формулировке: за невнос платы за обучение. В гимназии Маяковский проучился до марта 1908 г.



В.В. Маяковский на выставке «20 лет работы Маяковского». 1930 г.

**В.Д.:** Этой мелочи...

**В.Ш.:** Что?

**В.Д.:** Этой мелочи нигде не было.

**В.Ш.:** «А вот, мама, теперь ты сидишь в третьем ряду и видишь, что не так плохо получилось. Не надо было плакать».

**В.Д.:** Вот спасибо. Это конкретная деталь, которая нигде, ни в одном месте, даже ни у мамы, ни у Люды<sup>107</sup>...

<sup>107</sup> Т. е. нет ни в книге Александры Алексеевны Маяковской «Детство и юность Владимира Маяковского» (М.; Л.: Детгиз, 1953), ни в книгах Людмилы Владимировны Маяковской «Пережитое: из воспоминаний о В. Маяковском» (Тбилиси: Заря Востока, 1957) и «О Владимире Маяковском: из воспоминаний сестры» (М.: Детская литература, 1965) и в ее журнальных публикациях.

**В.Ш.:** В чем дело? В это время у него в кармане могло лежать уже предсмертное письмо<sup>108</sup>.

<sup>108</sup> Выставка «20 лет работы Маяковского», о которой рассказывает Шкловский, открылась 1 февраля 1930 г. А известное предсмертное письмо датировано 12 апреля.

**В.Д.:** Нет еще.

**В.Ш.:** Но во всяком случае это было близко к этому. Я думаю, что у него... что он собирался жить. Мать он любил и так терзать ее сердце, что не так плохо вышло, он бы не стал.

**В.Д.:** То есть думая, что через неделю его не будет?

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Думаю тоже, не стал бы.

**В.Ш.:** Да. Вот, после этого я ушел и значит... Жил я в Марьиной роще.

**В.Д.:** А вы знаете, как он про вас сказал?

**В.Ш.:** Как?

**В.Д.:** То есть, он очень горько говорил, что на выставку не пришли писатели. Бромберг ему говорит: «Да ну, как же не пришли? Был Шкловский, был Никулин». Он говорит: «Это не в счет. Это друзья и знакомые. А просто писатели не пришли».

**В.Ш.:** Ну вот. Теперь, значит, ко мне позвонили первого апреля, что Маяковский застрелился<sup>109</sup>. Я повесил трубку: а, первое апреля, очевидно. Я приехал на... на...

<sup>109</sup> Маяковский застрелился 14 апреля. По старому стилю это — 1 апреля.

**В.Д.:** Вы после этого его не видели? Ни разу?

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Вы ушли с выставки — и все?

**В.Ш.:** Да, все.

**В.Д.:** И больше ни разу не виделись?

## Похороны Маяковского. «Пуля из мозга»

**В.Ш.:** Потом, значит, я приезжаю на Гендриков переулок. Столовая. В Володиной комнате кто-то. А тут на диване сидят Раппы и Олеша. Катаева, кажется, не было.



А там, в этой комнате\*, слышно — стучат. Потом выходит молодой врач, в белом халате, с большим блюдом, на котором лежат мозги Маяковского.

<sup>110</sup> В комнате Маяковского, куда перенесли его тело.

**В.Д.:** Мозг.

**В.Ш.:** Мозг. И говорит: «Посмотрите, как ничего не значит внешний вид мозга. Насколько мозг Маяковского больше и красивее мозга академика Фриче»<sup>111</sup>. (*Дувакин смеется.*)

<sup>111</sup> В книге «О Маяковском» Шкловский писал: «Врач, производящий вскрытие, говорит о тяжелом гриппе: — Посмотрите, грипп поразил этот мозг. Какой большой мозг, какие извилины! Насколько он интереснее мозга знаменитого профессора В.Ф. Очевидно, форма мозга еще не решает» (с. 220). Владимир Максимович Фриче (1870 — 4 сентября 1929) — литературовед и искусствовед; академик АН СССР (1929), директор Института русского языка и литературы при РАНИОН, ответственный редактор журнала «Литература и марксизм» (1928—1929).

**В.Д.:** То есть врач исходил из того, что академик Фриче должен быть умнее.

**В.Ш.:** Умнее, да. Потом, значит... Лили в это время не было<sup>112</sup>...

<sup>112</sup> С 18 февраля 1930 г. Брики были в заграничной поездке.

**В.Д.:** Не было. Это тут был при этом Зенкевич.

**В.Ш.:** Зенкевич. Теперь мы... Я пошел на похороны, и тут, значит, приехала (*Ирзб./* в этом самом в Доме литераторов), и тут приехала совершенно заплаканная Лилия, Ося<sup>113</sup>...

<sup>113</sup> Брики, получившие телеграмму о самоубийстве Маяковского в Берлине, 17 апреля прямо с Белорусского вокзала приезжают в Клуб писателей.

**В.Д.:** Они куда же?.. Уже перевезли оттуда?

**В.Ш.:** Они вернулись...

**В.Д.:** Вы в Гендриковом долго были?

**В.Ш.:** Недолго был.

**В.Д.:** Кого вы там помните?

**В.Ш.:** Никого не помню.

**В.Д.:** Вы плакали очень.

**В.Ш.:** Очень плакал. И вот, значит, приехала Лилия и говорит Кирсанову: «Вы поссорились с Володей». Он говорит: «Да». А она ему говорит очень хорошие слова: «Считайте, что вы помирились, не помните об этом». И все встречают... тут говорит речь Луначарский<sup>114</sup>.

<sup>114</sup> Траурный митинг начался в 3 часа дня 17 апреля во дворе Клуба писателей. Среди выступавших с балкона был и Анатолий Васильевич Луначарский (1875 — 1933) — нарком просвещения с октября 1917 по сентябрь 1929 г., затем председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. Поэт Семен Кирсанов прочитал на митинге поэму Маяковского «Во весь голос». Но за два с лишним месяца до смерти Маяковского, 8 февраля 1930 г., Кирсанов напечатал в «Комсомольской правде» стихотворение «Цена руки», непримиримо оскорбительное по отношению к Маяковскому: «Пемзой грызть, / бензином кисть облить, / чтобы все его рукопожатья / со своей ладони соскоблить». Конечно, Лилия Брик знала об этом. Знала она из письма Маяковского от 19 марта и то, что Кирсанов с женой были у него «раза два» (Бенгт Янгфельдт. Любовь это сердце всего. С. 189).

**В.Д.:** Это уже сами похороны, да?

**В.Ш.:** *Ирзб./* Луначарский говорит. И, значит, проходит этот... как его... Агранов и показывает мне пулю. «Это, — говорит, — вынутая из мозга Маяковского»<sup>115</sup>.

<sup>115</sup> Дежурный следователь описал тело на месте гибели: «На груди на три сантиметра выше левого соска имеется рана круглой формы диаметром около 2 третей сантиметра. <...> Выходного отверстия нет. С правой стороны на спине в области последних ребер под кожей прощупывается твердое инородное тело, не значительное по размеру» («В том, что умираю, не вините никого»?.. С. 98, 100). Как показало позднейшее исследование рубашки, бывшей на Маяковском в момент выстрела, пистолет он держал в правой руке. Стрелял, прижав срез ствола к поверхности рубашки под углом (боковой упор). Войдя в тело выше левого соска, пуля вполне могла застрять «в области последних ребер». Оттуда она и была извлечена. А оказаться в голове никак не могла. В тот же день мозг Маяковского был изъят сотрудниками Института мозга, где он хранится поныне. Никаких повреждений мозга обнаружено не было.

**В.Д.:** Как из мозга?!

**В.Ш.:** Из мозга Маяковского. Он стрелялся так, стоя около телефона, и пуля прошла в мозг. Так я понял. И он мне говорит фразу, которую я до сих пор не понял, фраза из «Зоо»: «И быть жестоким очень легко, надо только не любить»<sup>116</sup>. Про кого он говорил? Про Лилию, или про кого? Я не знаю. Володя лежал в том помещении, которое сейчас разгорожено, а когда-то



было церковью, но... там сейчас, в правой стороне, бухгалтерия и так далее.

<sup>116</sup> Из письма четвертого: «И быть жестоким легко, нужно только не любить» (см.: Виктор Шкловский. «Еще ничего не кончилось...». С. 280).

**В.Д.:** Он в правой стороне и лежал.

**В.Ш.:** У него (он показывал мне, когда он приехал из-за границы), у него были ботинки, желтые, на медных набойках, которые были на каблуке и на носке, и он говорил, что это неизносимо. Он лежал в гробу в хорошем костюме, приподнятый на подушках. Но так как он был большой, он не помещался, и носки <ботинок> были видны. Это были ботинки с неизносимыми медными набойками<sup>117</sup>.

<sup>117</sup> Об этом же — в книге «О Маяковском»: «Он лежал в Союзе писателей. Гроб мал, видны крепко подкованные ботинки» (с. 220).

**В.Д.:** Виктор Борисович, простите, я вас остановлю, потому что вы здесь коснулись таких вещей, о которых мне хочется узнать подробней. Ну, относительно ботинок, это всюду, так сказать... уже Асеев использовал, и от вас это идет, и Цветаева. Уж не знаю, откуда, видно, корреспонденция была. Помните, у нее же:

*В сапогах, подкованных железом,*

*В сапогах, в которых гору брал —*

*Никаким обходом и объездом*

*Не доставшийся бы перевал<sup>118</sup>...*

...и так далее. Там на три строфы. Но меня совершенно... Очень привлекло мое внимание сообщение о вашем споре с Аграновым. Что-то тут... что-то тут очень неясное.

<sup>118</sup> Из стихотворения «Маяковскому» (1930). См.: Марина Цветаева. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. Стихотворения; переводы / сост., подгот. текста и коммент. Анны Саакянц и Льва Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 274.

**В.Ш.:** Не знаю.

**В.Д.:** Во-первых, как пуля... это технически непонятно. Тогда у него должна была быть рана где-то...

**В.Ш.:** Ничего. Она может пройти, пройти...

**В.Д.:** Как может пуля пройти через...

**В.Ш.:** Через шею.

**В.Д.:** В мозг? У него было, по-моему...

**В.Ш.:** Он стрелялся в сердце.

**В.Д.:** Он стрелялся в сердце.

**В.Ш.:** Стоя.

**В.Д.:** Стоя. И пуля, по-моему, была у задней стенки.

**В.Ш.:** Не знаю.

**В.Д.:** Это сказал?.. А как вы считаете, не могло тут быть какой-нибудь дезинформации?

**В.Ш.:** Не знаю.

**В.Д.:** Вы вообще этого человека...

**В.Ш.:** Мало знаю. Встречал у Бриков. Не пришлось, слава Богу, с ним связаться.

**В.Д.:** Вот роль этого человека и некоторых других, и связь Осипа Максимовича с этими людьми и некоторыми другими, мне бы очень хотелось, конечно, узнать как можно больше.

**В.Ш.:** Не знаю. Теперь давайте...

**В.Д.:** Хорошо. Тогда продолжайте.

**В.Ш.:** Теперь дальше буду рассказывать. Теперь, значит, люди шли. Очень много людей было. Агранов... в доме Бриков бывало много чекистов. Значит, приходили с женами, и было впечатление, что, скажем, у Оси, так сказать, есть с ними живая связь. Так что даже в отделе (он же служил когда-то в ЧК), в отделе спекуляции...

**В.Д.:** А может, он и продолжал служить?

**В.Ш.:** Нет. Даже была песня тогда:

*Жду своего комиссарика*

*Из спецотдела Чеки.*

**В.Д.:** Подождите, где-то это приводили?..

**В.Ш.:** Ну вот. Теперь так. Машину вел Кольцов. Оторвался и, значит, проехал вперед, то есть он потерял...

**В.Д.:** Близких сопровождающих<sup>119</sup>.

<sup>119</sup> Художник Борис Ефимов рассказывал автору этих строк в апреле 1989 г., что от Клуба писателей грузовик с гробом вел его брат, Михаил Ефимович Кольцов, уступивший место за рулем только на подъезде к стройке Дома правительства, сразу за Большим Каменным мостом, где уличное полотно сильно сужалось. Но были и свидетели того, как председатель похоронной комиссии А.Б. Халатов силой вытаскивал Кольцова из кабины еще во дворе Клуба писателей, пока грузовик не трогался с места. Тем, кто говорил, что ритуальным грузовиком управляет Кольцов, решительно возражает В.А. Катанян: «Меня потом (много лет спустя) спрашивали: правда ли, что этот грузовик с гробом Маяковского вел Михаил Кольцов? Не знаю, откуда пошла эта легенда. Я помню М-ихаила» Е-фимовича» в тот день в пешем строю за гробом, а недавно мне попалась фотография, где перед бронированным грузовиком ясно различимый Кольцов чинно выступает в обществе Халатова и Авербаха. Но это могло быть только в самом начале, на первых шагах похоронного шествия. Дальше все смешалось» (Василий А. Катанян. Распечатанная бутылка. С. 218). Но все одинаково вспоминали, что шофер грузовика никак не мог согласовать свою скорость с движением похоронной процессии и то вырывался вперед, заставляя толпу догонять машину, то притормаживал, создавая толчею.

**В.Ш.:** Да. И я тогда уже не помню ничего.

**В.Д.:** Вы где были сами?

**В.Ш.:** Не знаю.

**В.Д.:** В толпе?

**В.Ш.:** В толпе, я же был очень подавлен. Теперь что, в чем дело?

**В.Д.:** А на самих похоронах вы были? На самой кремации вы прошли к нему?

**В.Ш.:** Не помню.

**В.Д.:** Даже не помните? Вы были очень, так сказать...

**В.Ш.:** Совсем.

**В.Д.:** ...взволнованы настолько, что вы просто не помните, как шли, кто был — ничего? Но помните только, что вел машину...

**В.Ш.:** Это я помню. Он маленького роста был, на грузовике, и уехал. Так что, видите... В чем дело? У меня такое впечатление, что вся эта диверсия с Лилей и так далее задумана...

**В.Д.:** «Огонек»?

**В.Ш.:** Да. ...по двум линиям. Первое: что вины у «товарища правительства» в смерти Маяковского нет. А виноваты... виновата еврейка и еврейское окружение.

**В.Д.:** И это тоже есть.

**В.Ш.:** Да. Вот для чего это сделано. Поэтому подчеркнуто, что Яковлева — русская женщина<sup>120</sup>, мол, можно было бы и женить — все было бы хорошо. Теперь, значит...

<sup>120</sup> В статье В. Воронцова и А. Колоскова «Любовь поэта» злему гению Маяковского — Лиле Брик противопоставлена любящая и преданная Татьяна Яковлева. Предъявлен и источник этой любви и преданности: «Татьяна Алексеевна Яковлева была дочерью русских родителей» (Огонек. 1968. 13 апреля. № 16. С. 11).

**В.Д.:** Хотя раньше подчеркивалось, что она эмигрантка.

**В.Ш.:** Да. Теперь, какие же следы замечаются? Маяковский застрелился из револьвера, который постоянно с собой носил: испанский браунинг<sup>121</sup>...

<sup>121</sup> У Маяковского на момент самоубийства были, как минимум, три пистолета: «Маузер» № 312045, «Баярд» № 42508 и «Браунинг» № 268979. Однако он выстрелил в себя не из «Браунинга», а из «Маузера». Именно «Маузер» лежал рядом с телом покойного, и пуля, извлеченная из тела, по заключению криминалистической экспертизы, была выпущена не из «Браунинга», а из «Маузера» («В том, что умираю, не вините никого?».. С. 362—375, 427—441, 98, 100).

**В.Д.:** Испанский?

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** У него ведь был еще какой-то второй?

**В.Ш.:** Не знаю.

**В.Д.:** Маленький.

**В.Ш.:** Я не знаю, не держал его в руках. Мне так говорили.

**В.Д.:** Вам так говорили? Простите, я перебиваю для того, чтобы уточнить. Это страшно важно, потому что у него, оказывается, было два револьвера.

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Вы своими глазами его видели?

**В.Ш.:** Я... Да. Видите ли, раньше у Володи была лента «Не для денег родившийся», где он (она снималась в доме Нирнзее<sup>122</sup>), где он собирался стреляться.

<sup>122</sup> Фильм «Не для денег родившийся» (1918) по сценарию Маяковского, переделавшему под себя интригу романа Джека Лондона «Мартин Иден», и с Маяковским в главной роли русского поэта Ивана Нова снимался в Москве, в Самарском переулке, на студии «Нептун». Даже когда действие переносилось в «Кафе поэтов», принадлежавшее Д.Д. Бурлюку, В.В. Каменскому и Маяковскому, съемка велась не в самом кафе, а в студийных декорациях. Правда, один из уличных эпизодов (нападение на брата главной героини, которого спасает Иван Нов и благодаря этому знакомится с нею и влюбляется в нее) был разыгран в Спиридоньевском переулке, на углу Спиридоновки. От картины уцелело всего несколько кадров. Но Шкловский ее видел. В его пересказе Иван Нов не раз примеривался к самоубийству. Например, так: «Он уходил на крышу и хотел броситься вниз» (О Маяковском. С. 104). С этим эпизодом и могла быть связана съемка в доме Нирнзее. У этого десятиэтажного дома высотой более сорока метров, построенного в центре Москвы, в Большом Гнездииковском переулке, в 1912—1913 гг. и почти 20 лет остававшегося самым высоким жилым зданием города, была плоская крыша со столовой, сквериком и смотровой площадкой. Маяковский поднимался туда неоднократно и, конечно, представлял, как эффектно можно обыграть это место в кино.

**В.Д.:** Да.

**В.Ш.:** Он сперва перелезал через перегородку (очень ловко, между прочим), пытаясь выброситься, а потом он играл с этим браунингом<sup>123</sup>.

<sup>123</sup> В статье «Кинематография Маяковского» Шкловский рассказывал: «Вещь называлась “Не для денег родившийся”. Она была переделкой романа Джека Лондона. В ней рассказывалось о том, как поэт из народа Иван Нов случайно спасает на улице какого-то молодого человека. Молодой человек знакомит его со своей сестрой, вводит в общество. Поэт прославился, но его не любят. Он хочет покончить с собой, играет револьвером, перелезает через решетку балкона. Потом одевает свой цилиндр на скелет, почему-то стоящий в его комнате, и уходит по дороге, бездомный и свободный, как Чаплин, который еще тогда не снимал таких лент» (Кино. 1937. 11 апр.). Фильм снимался весной 1918 г., а «Маузер», из которого застрелился Маяковский, попал к нему только в 1927 г.

**В.Д.:** Вы видели эту ленту?

**В.Ш.:** Видел.

**В.Д.:** По возможности перескажите ее.

**В.Ш.:** Ну, лента глупая.

**В.Д.:** Ее уже нет сейчас.

**В.Ш.:** Лента глупая. Подробности про нее вам расскажет Лева Гринкруг, который в ней снимался. Актер<sup>124</sup>.

<sup>124</sup> Лев Александрович Гринкруг (1899—1987) — литературный редактор и киноработник; многолетний близкий друг Бриков и Маяковского. В 1918 г. снялся в фильме «Не для денег родившийся» в роли того самого брата девушки, в которую влюбляется главный герой. Воспоминания Гринкруга «Не для денег родившийся» напечатаны в сборнике «В. Маяковский в воспоминаниях современников» (с. 178—182).

**В.Д.:** Актер он разве был?

**В.Ш.:** Да. Снимался в ней в качестве брата женщины, которого спас «Иван Нов».

**В.Д.:** Ага. Просто чтоб подзаработать.

**В.Ш.:** Да. Ну вот, значит, этот револьвер у него был давний<sup>125</sup>. Теперь, так как он стрелялся у телефона, то, может быть, он получил какое-нибудь сообщение по телефону.

<sup>125</sup> Уже в книге «О Маяковском» Шкловский писал: «Он убил себя выстрелом из того револьвера, который снят в картине “Не для денег родившийся”» (с. 219).

**В.Д.:** Нет, телефон не звонил. Я видел следствие.

**В.Ш.:** А почему он стоял около телефона?

**В.Д.:** Ну, комната вся была в несколько шагов. Он снял... она была небольшая<sup>126</sup>.

<sup>126</sup> Около 12 м<sup>2</sup>.

**В.Ш.:** Он /нрзб./, так, позвонили, пришел человек с энциклопедическим словарем. Он получил том «Larousse», расписался<sup>127</sup>.

<sup>127</sup> Звонил в дверь общей квартиры книгоноша Госиздата Шефтель Шахнович Локтев. На допросе он показал, что принес Маяковскому-подписчику очередные два тома Советской энциклопедии. Открыла ему соседка Маяковского. Локтев громко постучал к Маяковскому. Не дождавшись ответа, постучал еще раз. После повторного стука раздраженный Маяковский резко вытолкнул дверь, держа ручку в руке, и крикнул: — Не до вас сейчас, товарищ! Бросьте там книги на пол, а деньги возьмите в соседней комнате. В приоткрытую дверь Локтев увидел, что на диване справа от двери сидит женщина приблизительно 24-х лет, худощавая, с круглым белым лицом, а Маяковский стоит перед нею на коленях. Нарвавшийся на грубость курьер вошел к соседке, получил деньги за книги, принесенные прошлый раз, 31 марта, и сегодня, 14 апреля, и выписал две квитанции. Пока писал, слышал за стеной, у Маяковского, взволнованный шепот (см. протокол допроса Локтева в кн.: «В том, что умираю, не вините никого?». С. 65—68).

**В.Д.:** Расписался. Потом продолжался разговор.

**В.Ш.:** Разговор. Потом...

**В.Д.:** Разговор с Норой<sup>128</sup>. Она попрощалась...

<sup>128</sup> Нора — домашнее имя Вероники Витольдовны Полонской.

**В.Ш.:** Она при этом была.

**В.Д.:** Она сказала, что она за дверь вышла.

**В.Ш.:** Тогда мы думали, что она была.

**В.Д.:** Она говорит, что... Она рассказывает целую, можно сказать, картину, как она услышала крик и что вот стала метаться в квартире. «Мне, — говорит, — казалось, что прошло какое-то время, но, очевидно, это было всего несколько секунд, потому что, когда я открыла дверь, то Маяковский лежал на полу, а в комнате еще был дым от выстрела»<sup>129</sup>. Она... он ей дал денег... Последние его слова были: «У тебя есть деньги? На тебе двадцать рублей»<sup>130</sup>.

<sup>129</sup> Из воспоминаний Полонской: «Мне казалось, что прошло очень много времени, пока я решилась войти. Но, очевидно, я вошла через мгновение: в комнате еще стояло облачко дыма от выстрела» («В том, что умираю, не вините никого?». С. 505).

<sup>130</sup> В воспоминаниях Полонская пишет: «Он дал мне 20 рублей» (там же). В протоколе допроса, состоявшегося в день самоубийства Маяковского, со слов Полонской записано: «Он мне дал 10 рублей, которые я взяла; простился со мной, пожал мне руку» (там же. С. 107, 111).

**В.Ш.:** Теперь так: нужно выстрелить из браунинга в комнате и посмотреть, даст ли это дым.

**В.Д.:** Ну, теперь, наверное, другая...

**В.Ш.:** Можно взять старый. У меня нет представления, что браунинг дает дым. Это немножко из детективного рассказа. А воспоминания она писала с Ардовым.

**В.Д.:** Да, это в варианте 38-го года. Мне она рассказала в четыре раза больше в общей сложности<sup>131</sup>.

<sup>131</sup> Дувакин записывал Полонскую в 1968 г.: 22 и 24 марта, 5 и 14 апреля и 30 мая.

**В.Ш.:** Надо было бы знать, что у нее... что она записала, когда приехала милиция, когда НКВД приехало.

**В.Д.:** Протокол снимало не НКВД, а просто милицейский<sup>132</sup>. Настолько этому не придавали значение... Может, вам подставить?..

<sup>132</sup> Допрашивал Полонскую 14 апреля 1930 г. народный следователь Московской областной прокуратуры, сотрудник 2-го участка Бауманского района г. Москвы Иван Сырцов.

**В.Ш.:** Ничего, ничего. Значит так. Вот что было у Маяковского? Я думаю, такая история. В целом он был разочарован в жизни, в ходе жизни, а... об «амортизации тела и души»<sup>133</sup>...

<sup>133</sup> Из стихотворения «Разговор с фининспектором о поэзии» (1926): «Приходит / страшнейшая из амортизаций — / амортизация / сердца и души» (Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. С. 124).

**В.Д.:** «Сердца и души».

**В.Ш.:** «Сердца и души». Но эти «тело и душа», потому что это тело страшно старилось: он поссорился незадолго до этого с портным.

**В.Д.:** С кем?

**В.Ш.:** С портным, который ему сказал, что «вам надо делать гимнастику, у вас образуется...

**В.Д.:** Брюшко.

**В.Ш.:** ...брюшко.

**В.Д.:** *Женщина мажется.*

*Мужчина по Мюллеру мельницей машется.*

*Но поздно.*

*Морщинами множится кожа.*

*Любовь поцветет,*

*поцветет —*

*и скукожится<sup>134</sup>.*

<sup>134</sup> Из поэмы «Люблю» (1922). См.: Там же. Т. 4. М., 1957. С. 85.

**В.Ш.:** Теперь, я думаю, это было... Я не знаю, почему он умер. Я не знаю. Потому что вот так, как рассказывают... Дело с Яковлевой... ушло, Лили нет. С Полонской он хочет как-то жить дальше.

**В.Д.:** А она не хочет.

**В.Ш.:** Она не хочет.

**В.Д.:** Она хочет работать в театре. Он ей ставит ультиматум: уходи из театра немедленно, и больше туда не возвращайся. Вот ей надо идти на репетиции, сейчас, сию минуту, он говорит: «Нет, не ходи, оставайся в моей комнате и будешь моей женой»<sup>135</sup>.

<sup>135</sup> Таков общий смысл требований и уговоров Маяковского, судя по воспоминаниям Полонской (см.: «В том, что умираю, не вините никого?.. С. 503—505).

**В.Ш.:** Тут надо проверить, когда бывает там репетиция.

**В.Д.:** Это идея. Ну что ж, в одиннадцать часов утра репетиция во МХАТе — это вполне...

**В.Ш.:** Понимаете, это надо проверить. У меня впечатление, что это липа. Я не знаю...

**В.Д.:** Ну, а в каком смысле и в чем? И какие вы чувствуете признаки? И как раз в связи с тем, что вы говорили о «Во весь голос», вы говорили, что он разочаровался в ходе жизни. Мне тоже так кажется.

**В.Ш.:** У меня такое впечатление.

” У меня такое впечатление, вот когда я его видел, когда он проходил — ужасно, ужасно разочарованный человек.

**В.Д.:** Вообще-то представить его себе два года спустя в нашей действительности, не говоря уже о 37-м годе, по-моему, просто невозможно.

**В.Ш.:** Да. Видите, у меня был такой случай, что я встретился перед... незадолго до Володиной смерти с Малкиным, Борисом Малкиным, который был нашим приятелем, тоже был у него роман с Лилей, ну, и он почему-то меня вызвал к себе. Он был в районном комитете, где-то на улице... недалеко от Смоленского рынка, около здания теперешнего министерства<sup>136</sup>, дом выходил, одноэтажный особняк, первый на той стороне.

<sup>136</sup> Имеется в виду министерство иностранных дел на Смоленской-Сенной площади.

**В.Д.:** На той же стороне?

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Ах, райком?

**В.Ш.:** Райком.

**В.Д.:** Это был особняк Морозова. Он и сейчас стоит. Это Киевский районный комитет большевиков, начиная с 17-го года<sup>137</sup>.

<sup>137</sup> Речь о доме № 26/9 на Смоленском бульваре, перестроенном в конце XIX в. для фабриканта Михаила Абрамовича Морозова. В этом доме одно время действительно находился Киевский райком партии, затем Дом пионеров Киевского района, теперь здесь банк.

**В.Ш.:** Почему я это говорю? Чтобы дать вам какие-то признаки, что этот разговор был.

**В.Д.:** Понятно.

**В.Ш.:** И мне Малкин говорит: «Поэзия Маяковского — это оппозиция Зиновьева»<sup>138</sup>. Я говорю: «Кто это мог придумать?» Он мне сказал: «Это мнение партии». По-моему, тут ничего не могло быть, ничего не было. Он с Ленинградом не был связан. Но он говорил это очень определенно, и не знаю, для чего.

<sup>138</sup> Григорий Евсеевич Зиновьев (1883—1936, расстрелян) — на вершине карьеры председатель исполкома Петроградского (впоследствии Ленинградского) совета (1917—1926), член политбюро ЦК РКП (1921—1926), председатель исполкома Коминтерна (1919—1926). Один из лидеров «новой», или «ленинградской», антисталинской оппозиции (1925—1926) и объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции (1926—1927), тоже направленной против сталинского руководства.

**В.Д.:** Самое странное, что оппозиция Зиновьева — это 25-й год. 27-й — уже объединенная троцкистско-зиновьевская, 28-й — бухаринско-рыковская<sup>139</sup>, в 29-м — уже вообще... В 30-м — уже «Головокружение от успехов»<sup>140</sup>, уже Сталин, так что, так сказать, как будто это уже история. Но Малкин вам сказал такую вещь?

<sup>139</sup> Николай Иванович Бухарин (1888—1938, расстрелян), член политбюро ЦК ВКП (1924—1929), и Николай Иванович Рыков (1881—1938, расстрелян), член политбюро ЦК ВКП (1922—1930) и председатель Совнаркома (1924—1930), вместе с Михаилом Павловичем Томским (1880—1936, покончил с собой), председателем ВЦСПС (1918—1929), — наиболее известные фигуры правой оппозиции, или «правого уклона» (1928—1929), выступившие против сворачивания нэпа и форсирования индустриализации и коллективизации.

<sup>140</sup> «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения» — статья Сталина в «Правде» (1930. 2 марта. № 60). Констатировал, что «коренной поворот деревни к социализму можно считать уже обеспеченным», автор переложил вину за нарушения, искривления, чиновничье декретирование колхозного движения на низовых исполнителей.

**В.Ш.:** Да. Я не помню, когда...

**В.Д.:** А вы давно ведь Малкина знали?

**В.Ш.:** Давно знал.

**В.Д.:** И вы были, вероятно, связаны, еще по дореволюционному прошлому?

**В.Ш.:** Нет.

**В.Д.:** Нет?

**В.Ш.:** Нет, я был знаком через...

**В.Д.:** Малкин ведь был... Малкин же вступил... был принят в РКП по рекомендации Ленина. Он эсер.

**В.Ш.:** Знаю. Но там история такая. Я эсером не был, особенно дореволюционным. Я с эсерами связался... на броневиках поехал<sup>141</sup>. А видите какая штука: Малкин работал в «Межрабпомфильме», там, где... вот когда вы спросили: «Кто был? Почему для Лили был родной дом?» Там был Малкин. Что я думаю? Что Маяковскому позвонили из учреждения и ему сказали что-то такое, после чего он застрелился.

<sup>141</sup> В 1918—1919 гг. Шкловский был руководителем броневого отдела Военной комиссии при ЦК партии эсеров, участвовал в подготовке мятежа.

**В.Д.:** Ах, вот что? Ну, что могли еще раз сказать относительно Яковлевой? Что? Все уже было сказано... Что что-то не проходит?

**В.Ш.:** Это ерунда. Он же был мужчина. Сегодня не проходит — завтра пройдет. Понимаете, у всякого человека есть то, что называется «хвосты», «хвосты», когда столько раз меняется ориентация, люди, которых вы считаете сегодня ближайшим другом и опорой, а он завтра вам говорят, что он враг номер один.

**В.Д.:** Кто-нибудь, скажем, арестован был в этот момент?

**В.Ш.:** Может быть. Понимаете...

**В.Д.:** Весной 30-го года шли аресты первые<sup>142</sup>. Да... Понимаете, вашему предположению противоречит один факт: то, что записка написана двенадцатого, «что это не выход»... (Понимаете, на два дня раньше.) «Это не выход, другим не советую, но у меня выходов нет»<sup>143</sup>. Вот, что значит: «У меня выходов нет»?

<sup>142</sup> 8 января 1930 г. был арестован Владимир Александрович Силлов (1901—1930) — поэт и критик, примыкавший к кругу футуристов, печатавшийся в «ЛЕФе». 13 февраля он осужден за «шпионаж и контрреволюционную пропаганду». 16 февраля расстрелян.

<sup>143</sup> Из предсмертного письма Маяковского: «Мама, сестры и товарищи, простите — это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет» («В том, что умираю, не вините никого?». С. 39, 45).

**В.Ш.:** Это... Что значит «другие»?

**В.Д.:** Как «другие»? Что?

**В.Ш.:** «Другим не советую».

**В.Д.:** А! «Другим не советую». Ну, вообще, так сказать...

**В.Ш.:** Видите, написано письмо двенадцатого, но у меня впечатление, что у него было какое-то ощущение обреченности.

**В.Д.:** Вот это да. Безысходности.

**В.Ш.:** Безысходности. И срочной безысходности.

**В.Д.:** А вы не думаете, что его можно было бы в этот момент, как я всегда говорю публично, и так думал в молодости, не скрою, сейчас я немножко колеблюсь, что его можно было здесь поддержать, что он еще бы прожил...

**В.Ш.:** Конечно!

**В.Д.:** Мог... но недолго.

**В.Ш.:** Конечно. Понимаете, мало ли что... Горький стрелялся много раз, два раза стрелялся<sup>144</sup>, все стрелялись, понимаете. У нас же стреляются люди... Есть легенда, что Фадеев выстрелил в сердце два раза<sup>145</sup>.

<sup>144</sup> Горький выстрелил себе в левый бок 12 декабря 1887 г. После извлечения пули на обходе хирург насмешливо высказался о нем. Обиженный пациент схватил большую банку с хлоралгидратом и выпил. Хлоралгидрат — успокаивающее и снотворное средство, но высшая разовая доза его — 2 грамма. Конечно, повторного самоубийцу «откачали».

<sup>145</sup> Александр Александрович Фадеев покончил с собой 13 мая 1956 г. выстрелом в сердце из нагана, который с 25 м гарантированно пробивал одну за другой три сосновых доски. Это был выстрел наповал. Повторно стрелять не было нужды. Другое дело, что, как рассказывала мне его секретарша Валерия Иосифовна Зарахани, примерно за год до самоубийства она выхватила у него пистолет, не позволив ему тогда застрелиться.

*(Обрыв записи.)*

<...>

Теперь вот, значит, такая история. Значит, чувство обреченности. С другой стороны: «товарищ правительство»<sup>146</sup>. Значит, он считает себя связанным, он стоит на коммунистических позициях и как-то считает одновременно их виноватыми...

<sup>146</sup> Обращение из предсмертного письма Маяковского. «Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо. Начать стихи отдайте Брикам, они разберутся» («В том, что умираю, не вините никого?». С. 39–40; 45).

**В.Д.:** Из чего это вытекает?

**В.Ш.:** Потому что у него есть претензии.

**В.Д.:** «Товарищ правительство. Моя семья — это...» и так далее. «Если можешь, обеспечь им существование...»

**В.Ш.:** Да. Но, видите ли, он уходит с поста, он считает себя виноватым.

**В.Д.:** Он сдает вахту.

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Слушайте... А если... Можно понять вашу мысль так, что это немножко напоминает пушкинскую заботу о жене и детях, порученную Николаю?<sup>147</sup>

<sup>147</sup> В.А. Жуковский пересказывает письмо Николая I умирающему А.С. Пушкину в ответ на его просьбы: «О жене и детях не беспокойся. Я их беру на свое попечение» (А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2 / сост. и примеч. В.Э. Вацура и др. М.: Худож. лит., 1974. С. 347).

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Так?

**В.Ш.:** Да-да. Понимаете, так: он отбывает... Он... Письмо очень мужественное.

**В.Д.:** Очень.

**В.Ш.:** Очень мужественное. Да. Дальше, оно написано так, чтобы отвести политические подозрения: «Любовная лодка разбилась о быт... перечень...»<sup>148</sup>. Он дает след, любовный след, понимаете.

**В.Д.:** Первое сообщение следователя вы помните в газетах?

**В.Ш.:** Нет.

**В.Д.:** «Первоначальное ознакомление с расследуемым делом позволяет сразу делать вывод, что самоубийство не связано с общественно-литературной деятельностью поэта и связано с чисто личными причинами»<sup>149</sup>.

<sup>148</sup> В предсмертное письмо Маяковский включил несколько перефразированные строки из незавершенного наброска, написанного, вероятно, летом 1929 г.: «Как говорят — / инцидент исперчен». / Любовная лодка / разбилась о быт. / Я с жизнью в расчете, / и не к чему перечень / взаимных болей, / бед / и обид» («В том, что умираю, не вините никого?». С. 40, 45).

<sup>149</sup> «Как сообщил нашему сотруднику следователь тов. Сырцов, предварительные данные следствия указывают, что самоубийство вызвано причинами чисто личного порядка, не имеющими ничего общего с общественной и литературной деятельностью поэта. Самоубийству предшествовала длительная болезнь, после которой поэт еще не совсем оправился» (Правда. 1930. 15 апр.).

**В.Ш.:** Ну, это так всегда и делают у нас. Такое же, когда умер Фадеев, написали, что он был пьяница<sup>150</sup>. Так не принято писать про покойника.

<sup>150</sup> К некрологу Александра Александровича Фадеева (1901—1956) было приложено медицинское заключение: «А.А. Фадеев в течение многих лет страдал прогрессирующим недугом — алкоголизмом. <...> 13 мая в состоянии депрессии, вызванной очередным приступом недуга, А.А. Фадеев покончил жизнь самоубийством» (Правда. 1956. 15 мая).

**В.Д.:** Да.

**В.Ш.:** Так что это было принято с восторгом.

**В.Д.:** Что?

**В.Ш.:** То, что он написал, что «любовная лодка...», но, в то же время, никаких...

**В.Д.:** Его пять лет после смерти травили.

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Официально. До слов Сталина. Слова Сталина, в этом смысле, были огромным переломом.

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Значит, вы считаете, что инфракрасная часть спектра, общественная, безусловно присутствует.

**В.Ш.:** Присутствует.

**В.Д.:** Мне важно было хотя бы просто ваше мнение. Я об этом очень много думаю...

**В.Ш.:** Это мое убеждение.

**В.Д.:** Это убеждение? Понимаете, я думаю, что он умер... Он не перестал быть коммунистом...

**В.Ш.:** Нет.

**В.Д.:** Не перестал.

**В.Ш.:** Он умер непоколебленным коммунистом.

**В.Д.:** Он умер коммунистом, но он вместе с тем и понимал, что он тем коммунистом, каким он считает, что должен быть, что он не может быть. Он сказал: «Я, если партия прикажет, буду писать ямбом»<sup>151</sup>, но вообще он понимал, что если он будет делать все, что ему прикажет партия и /нрзб./ и так далее, и так далее, то он перестанет быть самим собой. Так, что ли?

<sup>151</sup> Из поэмы «Маяковский начинается» (1936—1939): «Однажды / мы шлялись с ним по Петровке; / он был сумрачен / и молчалив; / часто — / обдумывая строки — / рядом шагал он, / себя отдалив. / «Что вы думаете, / Коляда, / если / ямбом прикажут писать?» — / «Я? / Что в мыслях у вас — / беспорядок: / выдумываете разные / чудеса!» — / «Ну все-таки, / есть у вас воображение? / Вдруг выйдет декрет / относительно нас! / Представьте / такое себе положение: / ямб, — скажут, — / больше доступен для масс». — / «Ну, я не знаю... / Не представляю... / В строчках / я, кажется, редко солгу... / Если всерьез, / дурака не валяя... / Просто, мне думается, / не смогу». / Он замолчал, / зашагал, / на минуту / тенью мечась / по витринным лампам, — / и как решенье: / «Ну, а я / буду / писать ямбом!» (Николай Асеев. Стихотворения и поэмы / вступ. ст. и сост. А.И. Михайлова; подгот. текста и примеч. А.А. Урбана, Р.Б. Вальбе. Л.: Сов. писатель, 1981. С. 381—382).

**В.Ш.:** Да. Конечно, тут он увидал...

**В.Д.:** Удивительно исторический момент точно выбран.

**В.Ш.:** Да. Он... Очень точно. Причем он увидал по РАППу, к чему дело идет.

**В.Д.:** Ведь РАПП — это еще детские игрушки были.

**В.Ш.:** Но РАПП, понимаете, — это детская болезнь, которая... видно же, «чего изволите». «Прикажи́те воспеть экзекуцию...» Ну вот. Теперь я считаю, что я истощен. Вы меня на полгода отпустите. Желаю вам...

**В.Д.:** Еще на полгода отпустить? Виктор Борисович, ну давайте закончим. Значит, о смерти вы все сказали, да, что вы думаете?

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Считаю... Вообще, представить себе Маяковского даже в 35-м году, голосующим за процессы... на процессах и прочее, бессмысленно.

**В.Ш.:** Трудно, трудно.

**В.Д.:** И той гибкости, которую проявил аполитичный Пастернак, Маяковский проявить не мог.

**В.Ш.:** Не мог.

## «Маяковский и...»

**В.Д.:** Это безусловно так. Ну, Виктор Борисович, а теперь еще немножко вот о чем. Во-первых, вот на некоторые, незаконченные ваши главные темы. У нас там осталось, минут на двадцать, мне хотелось... Я прослушал вчера полностью вашу старую запись, вообще, по-настоящему, надо было бы вам дать ее послушать, но я понимаю, что вы после этого выдохнетесь, и не будет...

**В.Ш.:** Интересно, наверно?

**В.Д.:** Интересно, но немного сбивчиво.

**В.Ш.:** Ну, а зачем, чтоб было несбивчиво?

**В.Д.:** Да, это правильно, пусть разбираются в XXI веке. Мое дело предложить, как сказано<sup>152</sup>. (Усмехается.) Вот вы там как раз очень лаконично, хорошо говорите об отдельных людях. Вот я хочу в таком же плане вам задать вопросы. Поговорим об «и».



Маяковский и... Блок. Вы с Блоком лично встречались?

<sup>152</sup> Отсылка к поэме «Человек» (1916—1917): Предложил им: «Хотите, по облаку телом развалюсь и буду всех созерцать». «Нет, — говорят, — это нам не подходит!» «Ну, не подходит — как знаете! Мое дело предложить» (Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. С. 261).

**В.Ш.:** Встречался.

**В.Д.:** Да? Где? Когда?

**В.Ш.:** Я встречался в Ленинграде. Мы с ним ходили две ночи по городу, белые ночи, разговаривали. (*Реагирует на удивление Дувакина.*) Что?

**В.Д.:** Ну, чувствуется, что вы не... у меня стоят уши...

**В.Ш.:** Он мне сказал: «Скажите, почему вы все понимаете?». Я об этом напечатал, но я не помню, о чем я с ним говорил<sup>153</sup>.

<sup>153</sup> Соседи Шкловского по лестничной площадке, поэт Владимир Лифшиц и его жена художница И.Н. Кичанова, записали такой рассказ Виктора Борисовича: «Это было, вероятно, в 1918 году. Как-то ночью мы бродили с Блоком по петроградским улицам и увлеченно разговаривали. "А вы все понимаете", — сказал мне, прощаясь, Блок. Странная вещь память. Она работает выборочно и не всегда удачно. Я запомнил эти слова Блока и унес их как хорошую отметку, полученную — совершенно не помню за что» (Устный Шкловский / публ. Э. Казанджана // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 370).

**В.Д.:** Как обидно!

**В.Ш.:** Мы два дня говорили, две ночи говорили, друг другу... понимаете... У меня было впечатление какое?



У меня было впечатление от Блока, что он глупый, но когда он говорил об определенных вещах, он был очень умен. Он был в обыденных вещах такой офицерский сын, ну, человек старого времени...

**В.Д.:** На нем был /нрзб./ да?

**В.Ш.:** Да. ...у него было такое... он так грустно расставался с революцией...

**В.Д.:** С революцией или с Россией?

**В.Ш.:** С революцией.

**В.Д.:** С начала НЭПа?

**В.Ш.:** Нет. С неудачами. С неудачами. Он был очень несчастлив.

**В.Д.:** Это уже последний год? 20-й — 21-й?

**В.Ш.:** 20-й — 21-й.

**В.Д.:** После возвращения?<sup>154</sup>

<sup>154</sup> Шкловский не только вернулся из-за границы, но и бежал за границу после смерти Блока.

**В.Ш.:** Да. Он был...

**В.Д.:** Он был грустный?

**В.Ш.:** Что?

**В.Д.:** Он был грустный.

**В.Ш.:** Очень грустный был, грустный... Он должен был уехать и этого ему не хотелось. Он продал библиотеку<sup>155</sup>.

<sup>155</sup> Об этом же Шкловский писал в книге «Сентиментальное путешествие»: «Иногда же садился и придумывал особое устройство шкафа для своей библиотеки. Библиотека же его уже была продана» (с. 142). И в книге «О Маяковском»: «Перед смертью он чертил новый шкаф для своей библиотеки; библиотека же была продана» (с. 111). Однако, судя по изданию: Библиотека А.А. Блока: описание: кн. 1—3 / сост. О.В. Миллер, Н.А. Колобовой, С.Я. Вовиной. Л.: БАН, 1984, 1985, 1986, Блок продавал книги из своей библиотеки, а не библиотеку, потому что библиотека в основном сохранилась.

**В.Д.:** Уехать за границу?

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Его тянули?

**В.Ш.:** Ему устраивали отъезд. Он должен был уехать.

**В.Д.:** А он не хотел ехать за границу?

**В.Ш.:** Он знал, что если поедет, так не вернется, и не хотел уезжать.

**В.Д.:** Это очень его делает как-то... дорогим.

**В.Ш.:** Да. /нрзб./ от какой болезни умереть.

**В.Д.:** Ведь ему всего сорок лет было. Это был молодой человек. Отчего он все-таки умер?

**В.Ш.:** Даже неизвестно.

**В.Д.:** От истощения?

**В.Ш.:** Да, не знаю.

**В.Д.:** Ну, когда вы его видели, он очень бедствовал?

**В.Ш.:** Нет, по нашим понятиям, ничего. У него были люди, которые его любили. Лариса ему помогала.

**В.Д.:** Рейснер?

**В.Ш.:** Рейснер, да.

**В.Д.:** А вы его что же?.. Вы /нрзб./ бывали? Откуда вы его знали? Или во «Всемирной литературе»?

**В.Ш.:** Он даже был на заседании ОПОЯЗа.

**В.Д.:** Да что вы говорите?! Вы ему, конечно, не понравились.

**В.Ш.:** Нет, мы понравились.

**В.Д.:** Понравились?

**В.Ш.:** Это было заседание, о котором я тогда же написал. Он потом сказал, что «я в первый раз слышу, что об искусстве говорят правду, но то, что вы говорите, поэту знать вредно»<sup>156</sup>.

<sup>156</sup> В книге «О теории прозы» (1983), в главке «Рассказ об ОПОЯЗе», Шкловский писал: «Мне приходилось говорить с Блоком; к сожалению, мало. По ночам, гуляя по набережным тогдашнего Петербурга, который не был еще Ленинградом, Блок говорил мне, что он в первый раз слышит, что о поэзии говорят правду, но он говорил еще, что не знает, должны ли поэты сами знать эту правду про себя» (с. 81—82). Об этом же Шкловский рассказывал в книге «О Маяковском» (1940): «Когда-то Блок говорил мне, что когда он меня слышит, то в первый раз слушает правду про стихи, но то, что я говорю, поэту знать вредно» (с. 137).

**В.Д.:** А, ну да, потому что у поэта душевное отношение к искусству, а у вас — формальное.

**В.Ш.:** На этом заседании был Виктор Максимович Жирмунский<sup>157</sup>. Так что еще сохранились живые свидетели.

<sup>157</sup> В.М. Жирмунский (1891—1971) — лингвист и литературовед, впоследствии профессор Ленинградского университета (с 1956), академик АН СССР (1966).

**В.Д.:** Якобсон не был?

**В.Ш.:** Нет, Якобсон — москвич.

**В.Д.:** Ну, а вообще ОПОЯЗ вырос из Московского лингвистического?..

**В.Ш.:** Нет, конечно, нет. ОПОЯЗ вырос... на Ленинграде.

**В.Д.:** На Ленинграде? Целиком?

**В.Ш.:** Конечно.

**В.Д.:** А то Московский: Богатырев, Якобсон — это другое?

**В.Ш.:** Это другое.

**В.Д.:** Ну, вы потом так как-то слились, нет?

**В.Ш.:** Да. Они приехали к нам. У них же... Они выходили под нашей маркой. Они взяли...

**В.Д.:** Ах, вот что! Теперь я понимаю.

**В.Ш.:** Они взяли, когда начали издаваться, издаваться в Праге, то они попросили разрешения выйти под маркой ОПОЯЗа. А потом, когда я приехал... Тынянов в Прагу, то Якобсон и Тынянов напечатали в журнале ЛЕФ письмо о необходимости восстановить ОПОЯЗ под председательством Шкловского<sup>158</sup>.

<sup>158</sup> Ю. Тынянов, Р. Якобсон. Проблемы изучения литературы и языка: Левый культурный фронт за рубежом // Новый ЛЕФ. 1928. № 12. С. 35—37.

**В.Д.:** Ага. Тогда был восстановлен?

**В.Ш.:** Тогда уже нельзя было восстановить, уже нельзя было, уже не та обстановка.

**В.Д.:** Уже изменилась? Ведь в 23-м — 24-м году еще можно было.

**В.Ш.:** Нет, это уже был 25-й<sup>159</sup>.

<sup>159</sup> На самом деле 1928-й.

**В.Д.:** Ах, 25-й!

**В.Ш.:** Конечно.

**В.Д.:** Так. А у вас... Да, вот что мне страшно важно! Чуть не упустил. Вы вспомните точнее... вы по-разному это рассказывали публично: вот то, что вам сказал Блок о Маяковском, относительно «Мистерии»<sup>160</sup>.

<sup>160</sup> В книге «О Маяковском» (1940) Шкловский рассказывал: «На Литейной улице в театре “Миниатюр” читал Маяковский “Мистерию-буфф”. <...> Блок сказал: — Мы были очень талантливы, но мы не гении. Вот вы отменяете нас. Я это понимаю, но я не рад. И потом мне жалко, что у вас рифмуется “булкою” и “булькая”. Мне жалко и вас и себя, что мы радуемся булке. <...> Блок был не прав, когда он упрекал Маяковского после “Мистерии-буфф”, что там счастье — это булка. Это наша булка» (с. 110, 111, 158). Маяковский по телефону звал Блока на первое же чтение «Мистерии-буфф», которое состоялось на квартире Брикова по улице Жуковского (д. 7, кв. 35) 27 сентября 1918 г. В записной книжке в день чтения Блок пометил: «Не пошел» (Александр Блок. Записные книжки. 1901—1920 / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. В. Орлова. М.: Художественная литература, 1965. С. 429). Но 7 ноября на премьере в театре Музыкальной драмы он был и записал: «Вечером — хриплая и скорбная речь Луначарского (перед спектаклем. — В.Р.), Маяковский, многое. Никогда этого дня не забыть» (Там же. С. 435). Регулярно записывая события дня, Блок чтение «Мистерии-буфф» не упоминает. Вероятнее всего, разговор, о котором рассказывает Шкловский, произошел после спектакля.

**В.Ш.:** Он сказал не мне, он сказал Блоку, при мне.

**В.Д.:** То есть как? Блок сказал кому?

**В.Ш.:** Маяковскому.

**В.Д.:** При вас?

**В.Ш.:** При мне.

**В.Д.:** Вот повторите, как вы это помните?

**В.Ш.:** Это было на...

**В.Д.:** Как можно точнее припомните.

**В.Ш.:** Это было на Троицкой улице<sup>161</sup>, перед Театром миниатюр был какой-то маленький зал, где в присутствии Марии Федоровны Андреевой выступал Маяковский и читал «Мистерию-буфф».

<sup>161</sup> В книге был назван Литейный проспект.

**В.Д.:** Для кого?

**В.Ш.:** Вот для /нрзб./ людей, Марии Федоровне...

**В.Д.:** Ах, для какого-то начальства.

**В.Ш.:** Для крупного начальства<sup>162</sup>.

<sup>162</sup> Для начальства Маяковский читал «Мистерию-буфф» 4 октября 1918 г. в Центральном бюро по организации празднеств первой годовщины Октябрьской революции. Но в ежедневных записях Блока его присутствие на этом чтении не отражено.

**В.Д.:** Для крупного начальства и людей искусства.

**В.Ш.:** Да. Там было, скажем, человек десять-пятнадцать. Встал Блок, подошел к Маяковскому и сказал, что «мы были очень талантливыми людьми...»

**В.Д.:** «Мы были?..»

**В.Ш.:** «...очень талантливыми людьми, но мы не гении. Вы нас отменяете, я не могу этому радоваться, но у меня к вам нет никаких претензий. Ну, вот у вас... вы рифмуете “булкою — булькая”<sup>163</sup>... Мне жалко себя, Маяковского...»

<sup>163</sup> «Фонарщик Бутыли горящие ходят, булькая... / Голоса / Булькая? / Фонарщик / Да, булькая! / Дерево цветет, / да не цветком, а булкою. / Голоса / Булкою? / Фонарщик / Да, булкою!» (Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 2. С. 233—234).

**В.Д.:** А что вы за этим видите? Почему ему жалко?

**В.Ш.:** Это... мечта о простом... о черном хлебе. Если... выпить и закусить.

**В.Д.:** Что это слишком низменно для поэзии?

**В.Ш.:** Для поэзии.

**В.Д.:** Что «мне жалко, что вы все-таки так снижаете поэзию»?

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Так это понимать?

**В.Ш.:** Да. Я так понял. Вот все, собственно, что там было. Теперь, раз Лиля попросила Володю привезти книгу Блока с автографом. Володя поехал. Это было в Петербурге. Блок написал: «Лиле Брик... Мяу-мяу-мяу...» (не знаю, у Лили есть) и сказал: «Ну, раз вы ко мне приехали, то давайте говорить о поэзии». Володя говорил, что «я... мне страшно хочется, но я должен отвезти книгу», — и уехал<sup>164</sup>.

<sup>164</sup> Рассказ Маяковского об этом посещении Блока (30 октября 1916) подробно записан К.И. Чуковским: «Лили была именинница, приготовила блины — велела не запаздывать. Он пошел к Блоку, решив вернуться к такому-то часу. Она же велела ему достать у Блока его книги — с автографом. — Я пошел. Сижу. Блок говорит, говорит. Я смотрю на часы и рассчитываю: десять минут на разговор, десять минут на просьбу о книгах и автографах и минуты три на изготовление автографа. Все шло хорошо — Блок сам предложил свои книги и сказал, что хочет сделать надпись. Сел за стол, взял перо — сидит пять минут, десять, пятнадцать. Я в ужасе — хочу крикнуть: скорее! — он сидит и думает. Я говорю вежливо: вы не старайтесь, напишите первое, что придет в голову, — он сидит с пером в руке и думает. Пропали блины! Я мечусь по комнате, как бешеный. Боюсь посмотреть на часы. Наконец Блок кончил. Я захопнул книгу — немного размазал, благодарю, бегу, читаю: Вл. Маяковскому, о котором в последнее время я так много думаю» (Корней Чуковский. Дневник: в 3 т. Т. 1. 1901—1921. С. 309).

**В.Д.:** Ой, это ему простить нельзя!

**В.Ш.:** Что?

**В.Д.:** Это, говорю, простить нельзя.

**В.Ш.:** А она, значит... И он очень жалел. Володя говорил (и я это написал), что «если взять десять стихотворений, десять строчек, то...

**В.Д.:** Десять стихотворений или?..

**В.Ш.:** Нет, десять строчек. ...то «у меня четыре хороших из десяти, а у Блока две, но эти две строчки я не могу написать»<sup>165</sup>.

<sup>165</sup> Вариативный пересказ слов Маяковского из воспоминаний Льва Никулина. По Никулину, Маяковский говорит: «—У меня из десяти стихов — пять хороших, три средних, два плохих. У Блока из десяти стихотворений — восемь плохих и два хороших, но таких хороших мне, пожалуй, не написать» (Знамя. 1939. № 9. С. 174).

**В.Д.:** Да, это у вас есть<sup>166</sup>. Ну вот, вот это /нрзб./, тем более, что я как раз в своей книжке на этом вашем разговоре с Блоком очень много строю<sup>167</sup>.

<sup>166</sup> См., например, в кн.: О теории прозы. М., 1983. С. 81.

<sup>167</sup> В статье «В запасе вечность» Дувакин привел из книги Шкловского «О Маяковском» слова, сказанные Блоком Маяковскому в связи с Мистерией-буфф: «Мы были очень талантливы, но мы не гении. Вы нас отменяете. Я это понимаю» (В. Дувакин. Радость, мастером кованная: очерки творчества В.В. Маяковского. М.: Советский писатель, 1964. С. 12).

**В.Ш.:** Нет, вы мне скажите, кто еще вам нужен?..

**В.Д.:** Так, минуточку, с Блоком кончим. Значит (для более точной документации), вы говорите, что Блок... вы говорите как факт точный — так? — что Блок слушал Маяковского, читающего «Мистирию-буфф»... Где, вы сказали?

**В.Ш.:** В Петербурге, на Троицкой улице, которая сейчас называется улицей Рубинштейна...

**В.Д.:** На Троицкой улице, которая сейчас называется улица Рубинштейна, перед Театром миниатюр?

**В.Ш.:** Да, недалеко от Невского проспекта.

**В.Д.:** Вот. У Блока в записных книжках есть, вот в последнем синем издании, запись (мне поэтому очень интересна дата): «Зовут на чтение Маяковским “Мистерии-буфф”»...

**В.Ш.:** «Не поеду», да.

**В.Д.:** «...не поеду».

**В.Ш.:** Поехал.

**В.Д.:** Значит, он поехал?

**В.Ш.:** Поехал.

**В.Д.:** Это об этом самом?

**В.Ш.:** Очевидно.

**В.Д.:** Вы не помните месяц?

**В.Ш.:** Не помню.

**В.Д.:** Может, было еще какое-нибудь, другое?

**В.Ш.:** Нет, не помню.

**В.Д.:** Ну, два раза вряд ли. Ведь это страшно интересно.

**В.Ш.:** Ведь пятьдесят лет прошло, Господи!

**В.Д.:** Значит, хотел... думал... «Не поеду». И все-таки поехал и сказал, что гениально.

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Это очень интересно. Ну, Гумилев с Маяковским терпеть не могли друг друга, да?

**В.Ш.:** Не знаю.

**В.Д.:** Вы ведь с Гумилевым были знакомы?.. Значит, с Блоком вы... вот...

**В.Ш.:** Был знаком.

**В.Д.:** Были две встречи и потом — смерть. На похоронах Блока были?

**В.Ш.:** Был.

**В.Д.:** Были? Верно, что шло очень мало народу?

**В.Ш.:** Немного. Уговор был: ничего не говорить.

**В.Д.:** Что?

**В.Ш.:** Уговор был: у могилы ничего не говорить...

**В.Д.:** Да?

**В.Ш.:** ...поэтому было мало народу.

**В.Д.:** А панихида была?

**В.Ш.:** Не помню.

**В.Д.:** Церковная?

**В.Ш.:** Да. Это был день... Нет, не было. Это был день Смоленской Божьей матери<sup>168</sup>. Это был церковный праздник церкви, которая... Это Смоленское кладбище...

<sup>168</sup> Празднование Смоленской иконы Божией Матери совершается 28 июля (10 августа).

**В.Д.:** Смоленское кладбище? Ах, это там, в Дорогомилове<sup>169</sup> было?

<sup>169</sup> Дорогомилово — это бывшая московская окраина, за Смоленской площадью.

**В.Ш.:** Нет, это было в Петербурге.

**В.Д.:** Ах, Петербург! Что я говорю?! Я все по Москве конкретно представляю, а там отвлеченно. И, значит, все-таки... Ну, его отпевали, конечно?

**В.Ш.:** Не помню.

**В.Д.:** Вы на отпевании не были?

**В.Ш.:** Не помню. Я христианин по рождению, хорошо знаю церковную службу.

**В.Д.:** Я знаю, но вы могли быть.

**В.Ш.:** Может, я не пошел. Не помню. По-моему, не был.

**В.Д.:** Тогда этот вопрос был, конечно, острый, хотя, с другой стороны, не представляется, чтобы Блока могли хоронить без церковного отпевания.

**В.Ш.:** Там есть... об этом стихи есть Анны Андреевны, об этих самых похоронах<sup>170</sup>.

<sup>170</sup> Стихотворение «А Смоленская нынче именинница...» (август 1921), посвященное «Памяти Ал. Блока». См.: Анна Ахматова. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904—1941 / сост., подгот. текста, коммент., ст. Н.В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1998. С. 363.

**В.Д.:** А! Поищу. Тогда, хорошо, не буду вас больше спрашивать по этому. Подождите, вы говорите, не было речей. А сборник «Об Александре Блоке» 21-го года<sup>171</sup>. Там же речи на похоронах, по-моему, есть?

<sup>171</sup> Об Александре Блоке: <статьи Н. Анциферова, Ю. Верховского, В. Жирмунского и др.>. Пб.: Картонный домик, 1921.

**В.Ш.:** Там... Нет, не было речей. Это издал Игнатий Игнатьевич Ивич, он же Бернштейн, брат Сергея Бернштейна. Мы эту книгу называли «Собрание всех русских опечаток». Там очень много опечаток.

<sup>172</sup> Игнатий Игнатьевич Бернштейн (псевдоним Александр Ивич) (1900—1978), младший брат филолога Сергея Игнатьевича Бернштейна (1892—1970), был создателем и единственным сотрудником издательства «Картонный домик», которое выпустило сборник «Об Александре Блоке» через три месяца после его смерти.

**В.Д.:** Ага. Это отец Сони Бернштейн<sup>173</sup>?

<sup>173</sup> Софья Игнатьевна Богатырева (1932) — историк литературы, публикатор, мемуарист; дочь Игнатия Игнатьевича Бернштейна, вдоватюта-переводчика Константина Петровича Богатырева (1925—1976), невестка Петра Григорьевича Богатырева. Его Дувакин записал 26 августа 1967 г.

**В.Ш.:** Да, и она вам расскажет.

**В.Д.:** Я ее буду писать<sup>174</sup>. Соню Бернштейн, Костю знаю, и Петра Григорьевича знаю, всех знаю. Мы с ними друзья почти.

<sup>174</sup> С.И. Богатыреву записать Дувакину не удалось.

**В.Ш.:** Ну, вот, они это вам расскажут.

**В.Д.:** Я не знал, что он издавал.

**В.Ш.:** Была речь, кратчайшая, Белого, которая... Дело в том, что он задохся. Нет воздуха — и он задохся.

**В.Д.:** Гумилева вы не знали.

**В.Ш.:** Знал.

**В.Д.:** Знали?

**В.Ш.:** Знал.

**В.Д.:** Где вы с ним встречались?

**В.Ш.:** Мы жили в одном доме, в Доме искусств.

**В.Д.:** Да что вы? В Доме искусств, в Петербурге?

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Вот в трудные годы? После приезда?<sup>175</sup>

<sup>175</sup> В Доме искусств Шкловский жил до бегства за границу в марте 1922 г. К этому времени после расстрела Гумилева (26 августа 1921) прошло уже более полугода. См. примечание 258.

**В.Ш.:** Да. Он ко мне пришел раз и сказал: «Можете ли вы мне дать какие-нибудь контрреволюционные адреса?»

**В.Д.:** Контрреволюционные?

**В.Ш.:** Да. Я ему сказал: «Знаете что, вы купец, вы гвардейский офицер<sup>176</sup>. Если вы куда-нибудь подойдете, вас убьют первым. Не вмешивайтесь в эти дела». Так что я...

<sup>176</sup> Отец Н.С. Гумилева был корабельным врачом. Купцом не был ни отец, ни сын. Гумилев был прапорщиком (с 28 марта 1916), но гвардейцем не был.

**В.Д.:** Он разве из купеческой семьи?

**В.Ш.:** Кажется. Просто я так сказал. Ну вот. Он... Я его не любил.

**В.Д.:** Он что, держался заносчиво, да?

**В.Ш.:** Нет.

**В.Д.:** Нет?

**В.Ш.:** Нет. Я считаю, что, во всяком случае, у него такого... ярко выраженного...

**В.Д.:** Враждебного?

**В.Ш.:** ...настроения не было, контрреволюционного. Он /нрзб./ Он и не понимал, что происходит.

**В.Д.:** Громче.

**В.Ш.:** Он не понимал, что происходит. Потом он очень любил женщин, причем девственных, так что...

**В.Д.:** Может быть, это и случайность?

**В.Ш.:** Может быть, это случайность. Может быть...

**В.Д.:** Ведь есть такая легенда. Я не знаю, насколько... Может, это и факт. Что его помиловал Ленин<sup>177</sup>...

<sup>177</sup> Благодаря вмешательству В.И. Ленина был освобожден сотрудник Геологической комиссии В.И. Яворский, проходивший по одному делу с Гумилевым, отделался условным наказанием консультант управления «Главахар» М.К. Названов. Но Гумилев был расстрелян.

**В.Ш.:** Да-да.

**В.Д.:** ...и что Зиновьев положил под сукно.

**В.Ш.:** Да-да.

**В.Д.:** Верно это или не верно?

**В.Ш.:** Верно.

**В.Д.:** Вы думаете, верно?

**В.Ш.:** Верно.

**В.Д.:** Это тогда говорили?

**В.Ш.:** Тогда говорили.

**В.Д.:** Что Горький что-то о нем написал.

**В.Ш.:** Да-да. При мне звонил Зиновьев Горькому ранним утром (я жил у Горького), что телеграмма опоздала, что его не разбудили, и Горький... А я жил около прихожей и слышал, как Горький говорил: «Не разбудили вас из-за телеграммы Ильича?»<sup>178</sup>

<sup>178</sup> Эту же версию, исходящую от Горького, обнаружил Евгений Замятин, который, возвращаясь из Москвы в Петербург, оказался в одном вагоне с Горьким: «Вдвоем мы долго стояли в коридоре, смотрели на летевшие за черным окном искры и говорили. Шла речь о большом русском поэте Гумилеве, расстрелянном за несколько месяцев перед тем (Гумилев был расстрелян 26 августа 1921 г., а уже 16 октября Горький уехал за границу. — В.Р.). Это был человек и политически, и литературно чужой Горькому, но тем не менее Горький сделал все, чтобы спасти его. По словам Горького, ему уже удалось добиться в Москве обещания сохранить жизнь Гумилева, но петербургские власти как-то узнали об этом и поспешили немедленно привести приговор в исполнение» (Е.И. Замятин. М. Горький // Евгений Замятин. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Лица / сост., подгот. текста, коммент. Ст. Никоненко и А. Тюрина. М.: Русская книга, 2004. С. 68). И Ленин, конечно, воспринял это как должное? А Горький отвел душу в разговорах и успокоился? Типичная история о хорошем Ленине и плохом Зиновьеве. Но именно Ленин ранее выговаривал Зиновьеву за попытку придержать массовый террор и требовал от него показательной беспощадности: «Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает» (В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 50. Письма: октябрь 1917 — июнь 1919 / подгот. к печати А.А. Панфиловой и Б.М. Яковлева. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 106). В книге «Жизнь Николая Гумилева: воспоминания современников» (Л.: Издательство Международного фонда истории науки, 1991) составители комментариев Ю.В. Зобнин, В.П. Петрановский, А.К. Станюкович привели рассказ Арнольда Эммануиловича Колбановского, работавшего секретарем у А.В. Луначарского. 1 декабря 1986 г. Колбановский рассказал, что однажды, в конце августа 1921 г., около четырех часов ночи Луначарского попросила разбудить Мария Федоровна Андреева, в прошлом жена Горького. «Медлить нельзя, — сказала она Луначарскому. — Надо спасти Гумилева. Это большой и талантливый поэт. Дзержинский подписал приказ о расстреле целой группы, в которую входит и Гумилев. Только Ленин может отменить его расстрел». «Андреева была так взволнована и так настаивала, что Луначарский наконец согласился позвонить Ленину даже в такой час. Когда Ленин взял трубку, Луначарский рассказал ему все, что только что узнал от Андреевой. Ленин некоторое время молчал, потом произнес: "Мы не можем целовать руку, поднятую против нас", — и положил трубку. Луначарский передал ответ Ленина Андреевой в моем присутствии. Таким образом, Ленин дал согласие на расстрел Гумилева» (с. 274).

**В.Д.:** Да-а. Слушайте, Виктор Борисович, я же буду рвать на себе волосы (у меня есть еще, есть, что рвать), ведь вы же не рассказали о ссоре Маяковского с Горьким. А ведь вы об этом знаете больше всех.

**В.Ш.:** Так ведь я же написал о ней.

**В.Д.:** Вы написали уклончиво, что «Володя обидел девушку»<sup>179</sup>...

<sup>179</sup> См. в книге «О Маяковском» (1940): «...Горькому сказали про Маяковского, что Володя обидел женщину. Я приехал к Алексею Максимовичу с Л. Брик. Конечно, Горькому разговор был неприятен, он стучал пальцами по столу, говорил: "Не знаю, не знаю, мне сказал очень серьезный товарищ. Я вам назову его имя, мне его передадут". Л. Брик смотрела на Горького, яростно улыбаясь. Фамилии товарища Алексею Максимовичу не сказали, и он на обороте письма к нему Л. Брик написал несколько слов, что он узнает, кто это говорил» (с.117).

**В.Ш.:** Он не обидел.

**В.Д.:** Кого? какую девушку?

**В.Ш.:** Я пришел... Видите, я думаю, что это сделал (уж он покойник), я думаю, что это Израилевич<sup>180</sup> сделал, поссорил их.

<sup>180</sup> Яков Львович Израилевич (1872–1942) – из богатой купеческой семьи. Учился на юридическом факультете, коллекционировал живопись. Его собственный портрет (1916) работы Бориса Григорьева хранится в Русском музее. Одно время Израилевич был секретарем М.Ф. Андреевой (о ней ниже), затем директором Дома писателя имени Маяковского в Ленинграде. Знакомые звали его Жаком. В «Третьей фабрике» это «Жак – по прозвищу Безумный»: «Жак был человек талантливый и много работавший, но без определенных занятий. Неверный и самоотверженный – и самоотверженный от некуда себя девать» (с. 110).

**В.Д.:** Ну что хоть? Из-за чего вышла драка или ссора?<sup>181</sup>

<sup>181</sup> Цитата из стихотворения «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому» (1926): Алексей Максимович, / как помню, / между нами / что-то вышло / вроде драки / или ссоры (Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. С. 206).

**В.Ш.:** Было так... Пришел человек к Алексею Максимовичу и сказал, что Маяковский жил с его дочкой и ее заразил.

**В.Д.:** Сифилисом?

**В.Ш.:** Кажется, сифилисом. Он сказал это мне.

**В.Д.:** Значит, кто-то... человек, который, вы думаете, что это был Израилевич...

**В.Ш.:** Кажется, он был послан Израилевичем.

**В.Д.:** Послан. Сказал Горькому, что Маяковский соблазнил его дочь и заразил ее сифилисом. Горький сказал это вам... Вы...

**В.Ш.:** Я сказал Лиле. И мы приехали к Горькому.

**В.Д.:** Объясняться?

**В.Ш.:** Объясняться. Горький сказал: «Я это не говорил». Я сказал: «Алексей Максимович, вы сказали это мне».

**В.Д.:** Значит, вы с ним поссорились, в первую очередь.

**В.Ш.:** Повторите! Он говорит: «Ну да, я сказал».

**В.Д.:** Значит, при...

**В.Ш.:** Лиле.

**В.Д.:** При Лиле.

**В.Ш.:** А Лиля сказала: «Володя здоров. Я это наверное знаю». Тогда он сказал: «Знаете что, этот человек должен прийти ко мне через день». Я не ходил к Горькому. А вдруг ко мне позвонил он, чтобы я пришел. Я пришел к нему, а он сказал: «Знаешь, а он не пришел, старик». А я... Говорит: «Лучше бы, чтобы этого не было».

**В.Д.:** Он говорит?

**В.Ш.:** Он сказал. Я спросил Маяковского: «Как, ходили к Горькому?» «Ходили (или не ходили),— говорит, — потому что еще что-нибудь придут скажут» /фраза неразборчива/. Вот такая история.

**В.Д.:** А что это за старик? Его фамилию не знаете?

**В.Ш.:** Не было старика. Не было.

**В.Д.:** Вы думаете, что это выдумали?

**В.Ш.:** Кто-нибудь выдумал, чтобы поссорить.

**В.Д.:** Вы думаете, что это нарочно выдумали?

**В.Ш.:** Думаю, что нарочно.

**В.Д.:** Зачем? Кому это нужно?

**В.Ш.:** Ну-у...

**В.Д.:** Вы думаете, что это антиреволюционные товарищи?

**В.Ш.:** Конечно, конечно.

**В.Д.:** Тогда... чтобы, так сказать, Горького и Маяковского...

**В.Ш.:** Разбить, да-да.

**В.Д.:** Ну, а до этого? Ведь Маяковский все равно ведь не (?) бывал на Кронверкском<sup>182</sup>. Ведь дружба, которая была в «Летописи», ну, не дружба, но во всяком случае...

<sup>182</sup> На Кронверкском проспекте была квартира Горького.

**В.Ш.:** Дружба, дружба. Потом Горький бывал на улице Жуковского, играл в «тетку».

**В.Д.:** Ну, про «тетку» вы говорили. Играли... И Маяковский... И Горький там бывал?

**В.Ш.:** Бывал.

**В.Д.:** Значит, он бывал в доме Бриков?

**В.Ш.:** Был.

**В.Д.:** И в ту пору Маяковский был в «Летописи». В Маяковского Горький был влюблен. Я вас не спрашиваю об этом, потому что вы написали в книжке, что Горький был как-то влюблен в Маяковского немножко и так далее<sup>183</sup>. Но когда же наступило охлаждение?

<sup>183</sup> В книге «О Маяковском» Шкловский вполне определенно написал об отношении Горького к Маяковскому, начиная с 1915 г., когда появились поэмы «Облако в штанах» и «Флейта-позвоночник»: «Горький его любил тогда. Немного позднее он говорил, что «Флейта-позвоночник» — это позвоночная струна, самый смысл мировой лирики, лирика спинного мозга» (с. 84).

**В.Ш.:** Не помню.

**В.Д.:** Или просто это было в то время, когда вас не было в Москве?

**В.Ш.:** Не знаю.

**В.Д.:** Вы какое время отсутствовали?

**В.Ш.:** Я несколько раз отсутствовал. Я поехал на... фронт и так далее.

**В.Д.:** Это 18-й год?

**В.Ш.:** Это 18-й год. Я отсутствовал два раза. Значит, я поехал сперва на австрийский фронт и мне прострелили живот.

**В.Д.:** Ну, это вы говорили, да. Значит, я в это время болел. Потом я поехал в Кисловодск, из Кисловодска поехал прямо в Персию. В Персии я был уже... осень, зима. И возвращался с армией после октябрьского переворота. Так что я был в отсутствии... предположим, скажем... сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

**В.Д.:** 17-го?

**В.Ш.:** 17-го.

**В.Д.:** Так. Ну, а Нордерней — это 22-й год?<sup>184</sup>

<sup>184</sup> В Нордернее, на берегу Северного моря, Маяковский прожил август 1923 г. На трех пляжных фотографиях рядом с ним Шкловский.

**В.Ш.:** Это 22-й год. Это было, когда убили Ратенау<sup>185</sup>.

<sup>185</sup> Вальтер Ратенау (1867—24 июня 1922) — министр иностранных дел Германии, подписавший вместе с советским наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным Рапальский договор между Германией и РСФСР (16 апреля 1922). Умер через несколько часов после покушения на улице Берлина. В это время Маяковский жил на даче в Пушкине, под Москвой, а Шкловский в Берлине.

**В.Д.:** И там вы с Маяковским тоже постоянно встречались?

**В.Ш.:** Ну, да.

**В.Д.:** А там он был хороший?

**В.Ш.:** Хороший.

**В.Д.:** Веселый?

**В.Ш.:** Веселый.

**В.Д.:** Что, «верую в ярую, верую в скорую...»<sup>186</sup>?

<sup>186</sup> Из стихотворения Маяковского «Нордерней» (4 августа 1923). См.: Полное собрание произведений: в 20 т. Т. 1. С. 298.

**В.Ш.:** Да-да.

**В.Д.:** И Лиля там была?

**В.Ш.:** И Лиля была.

**В.Д.:** Вот вы начали сегодня разговор: «Я видел Ленина и Маяковского счастливыми». Ленина в полете вы дали, а вот Маяковского...

**В.Ш.:** Да, у него было хорошее настроение.

**В.Д.:** Вот. А Маяковского в полете... Вы как раз так все время на подступах были и уходили...

**В.Ш.:** Вы что хотите сказать, что я старый стал? Сколько мы времени разговариваем?

**В.Д.:** Мы разговариваем... реально... час сорок минут.

**В.Ш.:** Ну, это как два. Это очень много.

**В.Д.:** Вот. Ну, сейчас кончаем. Есенин?



**В.Ш.:** Когда-нибудь.

**В.Д.:** Уже иссяк, да? В общем, вы Есенина видели?

**В.Ш.:** Видал.

**В.Д.:** И похороны? Слушайте, а он был человек умный или нет?

**В.Ш.:** Видите ли, я его знал... У меня с ним были ссоры из-за Зинаиды Райх, которую я знал до него.

**В.Д.:** Ах, у вас были отношения личные с Зинаидой?

**В.Ш.:** Ну... /нрзб./ Потом я его знал в доме Мережковских, когда он был совсем молодой. Об этом есть и в записи<sup>187</sup>. Так что я его знал, когда ему было лет восемнадцать.

<sup>187</sup> В книге «О Маяковском» (1940) Шкловский писал: «Есенина я видел первый раз у Зинаиды Гиппиус. Зинаида — подчеркнутая дама, с лорнетом, взятым в руку нарочно. Она посмотрела на ноги Есенину и сказала: — Что это за гетры на вас надеты? — Это валенки. Зинаида Гиппиус знала, что это валенки, но вопрос ее обозначал осуждение человеку, появившемуся демонстративно в валенках в доме Мурузи» (с. 169). Еще раньше этот эпизод попал в книгу Шкловского «Гамбургский счет» (Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1928. С. 88).

**В.Д.:** Да что вы говорите! Какой же он был?

**В.Ш.:** Красавец.

**В.Д.:** Очень хорош? И действительно соответствует... Ведь есть поэты, которые соответствуют своему образу...

**В.Ш.:** Да, соответствует.

**В.Д.:** Соответствует? Вот, «березовый ситец»<sup>188</sup>...

<sup>188</sup> Слова из стихотворения «Не жалею, не зову, не плачу...» (1922): Ты теперь не так уж будешь биться, / Сердце, тронутое холодком, / И страна березового ситца / Не заманит шляться босиком (Сергей Есенин. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 164).

**В.Ш.:** Нет, вот знаете, это было выдуманно... про это, про ситец. Он был человек образованный.

**В.Д.:** Да?

**В.Ш.:** Он знал французскую литературу.

**В.Д.:** Да что вы?! Я думал, что он действительно в сермяге...

**В.Ш.:** Нет. Видите ли, его дед был крупным пароходчиком, разорившимся<sup>189</sup>. И ничего не осталось. Отец вернулся в деревню.

<sup>189</sup> Имеется в виду дед Сергея Есенина по матери — Федор Андреевич Титов (1845—1927), в доме которого внук жил и воспитывался с двух лет. «В молодости он (дед. — В.Р.) каждое лето уезжал на заработки в Питер, где нанимался на баржи возить дрова, — писала младшая сестра Сергея Есенина — Александра. — Проработав несколько лет на чужих баржах, он приобрел в конце концов свои и стал получать от них приличный доход» (А.А. Есенина. Родное и близкое // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1 / вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Художественная литература, 1986. С. 70). Сам Ф.А. Титов рассказывал: «Жил светло. Без тысячи домой не ездил. Сорок годов в Питере хозяйствовал» (Дневник И.Н. Розанова // Там же. Т. 2. С. 508). Однако со временем дед разорился. «Две его баржи сгорели, а другие затонули, и все они были не застрахованы» (А.А. Есенина. Родное и близкое // Там же. Т. 1. С. 71).

**В.Д.:** А... Так что у него крестьянство-то все-таки не исконное.

**В.Ш.:** С перерывом.

**В.Д.:** А, это тоже очень интересный факт. Между прочим, не отмечается никем, кто занимается Есениным, это не отмечается.

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Вот в последние минуты обязательно какие-нибудь еще... Я как жадный кладоискатель. А Маяковского с Есениным вы вместе никогда не видели?

**В.Ш.:** Я знаю, что Зина ударила Сережу поленом за то, что он ругал Маяковского.

**В.Д.:** Да что вы говорите!

**В.Ш.:** Она ужасно любила Маяковского.

**В.Д.:** Даже поленом.

**В.Ш.:** Да. Зинаида Райх очень любила Маяковского, и сестры<sup>190</sup> хотели свести Зину с Маяковским.

<sup>190</sup> Имеются в виду сестры Маяковского — Людмила Владимировна (1884—1972) и Ольга Владимировна (1890—1949).

**В.Д.:** Отбить у Лили?

**В.Ш.:** У Лили. Потому что красивая женщина.

**В.Д.:** Они потом очень дружили, сестры с... <Зинаидой Райх>. И она как раз и передала сестрам кислый отзыв Лили. Она их поссорила. Ну, невредно, просто по бабьей болтливости. У ней как раз это получилось как раз... сплетни. Я был на есенинских похоронах.

**В.Ш.:** Вы помните крик «Гроб на аппарат»?

**В.Д.:** Крик «Гроб на аппарат»?

**В.Ш.:** Ну, да. Там как раз фотограф снимал и закричал: «Гроб на аппарат!»

**В.Д.:** Нет, это я не помню. Я помню, как читал кто-то из них — Кириллов, что ли:

*Загрызли Сережку, собаки,*

*Загрызли за то, что он был поэт.*

А может, Олеша<sup>191</sup>. Это я мог спутать. Вообще, страшные были похороны, мрачные какие-то ужасно. Конечно, похороны не бывают веселыми, но слишком уж тяжелые. Я был горячим есенинцем, а после этих похорон как-то отшатнулся. У меня какое-то...

<sup>191</sup> Когда траурная процессия после остановки у памятника Пушкину на Тверском бульваре подошла к Дому Герцена (ныне Литературному институту), председатель Всероссийской ассоциации пролетарских писателей, поэт Владимир Кириллов, взобравшись на ограду, произнес прощальную речь. Но говорил он все же без того эмоционального надрыва, который передан в приведенных стихах: «Трагическая смерть поэта должна заставить нас глубоко задуматься над нашей литературной жизнью. Дадимте же, товарищи, над этой свежей могилой обещание сделать все, чтобы изменить некоторые отрицательные стороны этой жизни и общими силами создать ту дружескую, товарищескую атмосферу, которая сделает невозможной такие смерти, как смерть Есенина» (Памятка о Сергее Есенине. М.: Сегодня, 1926. С. 46). В этом же сборнике помещена фотография выступающего на панихиде Кириллова. Юрия Олеша на похоронах Есенина не было.

**В.Ш.:** Поставили памятник из крест... крест, который был сделан рельса<sup>192</sup>. /нрзб./

<sup>192</sup> Крест был с крупным скульптурным изображением распятого Христа.

**В.Д.:** Ну, а Маяковского об Есенине слышали какие-нибудь отзывы?

**В.Ш.:** Не помню. Не помню.

**В.Д.:** Не помните.

**В.Ш.:** Не знаю. Тут очень страшно придумать.

**В.Д.:** Да-да, конечно. Под таким нажимом можно что-нибудь и придумать, чтоб от меня отвязался. (*Усмехается.*) Ну, спасибо большое. Спасибо, Виктор Борисович. Вы, конечно, прожили такую... помимо того, что вы писатель, вы прожили еще такую жизнь в XX столетии богатую, что вас можно записывать еще пять раз. Я на это, конечно, не претендую, но знаете что, я к вам, может быть, приду с вопросиками и маленьким аппаратом. Я буду вас прослушивать с бумажкой и выписывать все уточнения.

**В.Ш.:** Вы знаете, я почти всех знал.

**В.Д.:** Ведь это же все интересно.

**В.Ш.:** Кого я не знал? Ну, значит, я не был знаком с Куприным, я не был знаком с...

**В.Д.:** Бунина знали?

**В.Ш.:** Нет, нет.

**В.Д.:** Ну вообще, с горьковским этим непосредственно...

**В.Ш.:** Горького я знал очень хорошо.

**В.Д.:** Ну Горького самого... Ну о Горьком много писали. Вообще-то, конечно, не дописали.

**В.Ш.:** Совсем ничего не написали, совсем ничего.

**В.Д.:** Хотите, я вас как-нибудь о Горьком запишу?

**В.Ш.:** Нет.

**В.Д.:** Не, хотите?

**В.Ш.:** Не хочу.

**В.Д.:** Я могу домой приехать.

**В.Ш.:** Очень несчастливый человек.

**В.Д.:** Да, трудно... Тоже трагическая по-своему судьба.

**В.Ш.:** Конечно.

**В.Д.:** Но ведь он большой художник?

**В.Ш.:** Большой человек.

**В.Д.:** Даже большой человек?

**В.Ш.:** Да.

**В.Д.:** Вот я в человеке не был уверен, а что он художник большой все-таки где-то, в лучших своих вещах, по-моему, это все-таки так. Хотя вы довольно сердито сказали о нем «по гамбургскому счету»<sup>193</sup>. Я помню.

<sup>193</sup> Гамбургский счет — это метафора, придуманная Шкловским для определения, кто чего стоит на самом деле. В основе — байка о борцах, которые на публике эффектно побеждают или проигрывают по приказанию антрепренера. Но раз в году сходятся в гамбургском трактире и при закрытых дверях и завешанных окнах борются долго, некрасиво и тяжело, чтобы разобраться без обмана — кто сильнее. По гамбургскому счету, написал Шкловский еще в 1928 г., «Горький — сомнителен (часто не в форме)» (Виктор Шкловский. Гамбургский счет. С. 5).

**В.Ш.:** Сейчас-то мы одни. Сейчас мы одни.

**В.Д.:** Да. Ну, и вы до сих пор к Маяковскому... Вы не пересмотрели своего отношения к Маяковскому?

**В.Ш.:** Нет.

**В.Д.:** Вы до сих пор считаете его...

**В.Ш.:** Великим поэтом.

**В.Д.:** Поэтом XX века.

**В.Ш.:** Гораздо более крупным, чем Пастернак и Блок.

**В.Д.:** Даже так! Ну вот это, так сказать, целиком нас объединяет, потому что сегодня, сейчас очень многие смотрят на это иначе. Я это не пересматривал.

**В.Ш.:** Я люблю его, и я люблю Мандельштама.

**В.Д.:** Много я люблю поэтов, но Маяковский — это что-то все-таки особое. Ну, большое вам спасибо, Виктор Борисович, хотя рукопожатия не записываются на магнитофон, но я специально говорю, чтобы это тоже записалось.